

Иван Андреевич Крылов

Басни

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —
И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, –
Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжёл.
Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабеть
И так нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
Стою и твёрд и прям.
Как будто б ограждён ненарушимым миром:
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».
«Ты очень жалостлив, – сказала Трость, в ответ, –
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что ещё доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождём конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

Музыканты

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, – сказал он с удивленьем, –
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»

«То правда, – отвечал хозяин с умилением, –
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».
А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумеи.

Ворона и Курица

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? –
Ей с возу Курица кричит. –
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
«Мне что до этого за дело? –
Вещунья ей в ответ. – Я здесь останусь смело.
Вот ваши сёстры – как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,

А может быть, ещё удастся поживиться
Сырком иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей –
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчётах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несёшься:
А как на деле с ним сочтёшься –
Попался, как ворона в суп!

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом.
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!

Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
– «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» –
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!»
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» – «Почти что ничего».

«Ну, как теперь?» – «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Волом,
С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая – как знатный дворянин.

Разборчивая невеста

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет ещё греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умён,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы всё имел – кто ж может всё иметь?
Ещё и то заметь.
Чтобы любить её, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе её и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!

Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! –
Твердит красавица, – по ним ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навёртываться реже.
Проходит год,
Никто нейдёт;
Ещё минул годок, ещё уплыл год целой:
К ней свах никто не шлёт.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнёт считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Её как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.

Посмотришь: зеркало докладывавать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей её лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Весёлость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без неё собрание не прелестно;
От пленников её вокруг ней бывало тесно;
А ныне, ах! её зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться;
Перестаёт она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда своё твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

Парнас

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нём Ослов,

Ослы, не знаю как-то знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».
«Смотрите же, – кричит один, – не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестёр
Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведём такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьём голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занёс,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колёс.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнение:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

Оракул

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и золотом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен.
В Оракула все верят слепо;
Как вдруг, – о чудо, о позор! –
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдёт,
Оракул наш что молвит, то соврёт;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нём дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нём
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.
Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Василёк

В глуши расцветший Василёк
Вдруг захирел, завял почти до половины,
И, голову склоня на стебелёк,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» –
«Уж как ты прост, мой друг! –
Ему сказал, вблизи копаясь, жук. –
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растёшь,
И вянешь ты, или цветёшь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит,

А ты ни пышен, ни пахуч,
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило.
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василёк, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

* * *

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли – благотворит равно
И радость по себе и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И всё его благословляет.

Роща и Огонь

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет, –
Она тебе лишь яму роет.

Чтоб эту истину понять ещё ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонёк под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка
И мёрзнешь ты совсем нагая?» —
«Затем, что, вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», —
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! — Огонь ей продолжает, —
Лишь подружись со мной; тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,
Там всё или цветёт, иль зреет:
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю,
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег,
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»

Вот дело слажено: уж в Роще Огонёк
Становится Огнём; Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами чёрный дым несётся к облакам,
И пламя лютое всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло всё вконец, – и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнём дружить?

Чиж и Ёж

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!
Вот, в блеске и во славе всей,
Феб лучезарный из морей
Поднялся.
Казалось, что с собой он жизнь принёс всему,
И в сретенье ему
Хор громких соловьёв в густых лесах раздался.
Мой Чиж замолк. «Ты что ж, –
Спросил его с насмешкой Ёж, –
Приятель, не поёшь?» –
«Затем, что голоса такого не имею,
Чтоб Феба я достойно величал, –

Сквозь слёз Чиж бедный отвечал, —
А слабым голосом я Феба петь не смею».

Так я крушусь и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу».

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

«Помилуй, мне ещё и от роду нет году», –

Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат».

«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват

О, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите,

И если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи».

«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»,

Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо

И пользу от того сыскать;

А без ума перенимать,

И боже сохрани, как худо!

Я приведу пример тому из дальних стран,

Кто Обезьян видал, те знают,

Как жадно всё они перенимают.

Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувырknётся,
То развернётся,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдёт, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушёл и сети им оставил.
«Что ж, – говорят они, – и время нам терять?
Пойдём-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерёг
И, видя, что пора, идёт к гостям с мешками.

Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.

Синица

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;
Лишь изредка иной шепнёт:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всясяи уплыла;

Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Осёл

Когда вселенную Юпитер населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осёл тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или, имея дел беремя,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошал:
А вылился Осёл почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осёл не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться,
Но чем? имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осёл спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй, – говорит, – как можно это снесть?
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом, с великого и до меньшого,
Всё речь о них лишь да о них;

За что́ ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких,
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с телёнка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я побил,
И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осёл мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что, наконец, моления Ослова
Послушался Зевес.
И стал Осёл скотиной превеликой;
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
«Что́ то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст; рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем всё кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осёл:
Осёл мой глупостью в пословицу вошёл.
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высота хороша:
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки,
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«ТЬфу пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Два голубя

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;

Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль, всё было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из их – лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой,
«Куда ты? – говорит сквозь слёз ему другой; –
Что пользы по свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны,
И всё, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль:
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь ещё и корм и скуден так, и мал;
Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой,
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж ещё тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Всё стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта Голубка;

Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать и чувствовать мешает.
«Не плачь, мой милый, – так он друга утешает, –
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Всё наскоро в пути замечу на полете,
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чём повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Всё расскажу: дела ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь всё так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной».
Тут – делать нечего – друзья поцеловались,
Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синеет степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнездился, прижался
К нему наш Голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку далё стало.
Встряхнулся и летит, – летит и видит он:
В заглушьи под леском рассыпана пшеничка.
Спустился – в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвётся, бьётся;
По счастью, сеть стара: кой-как её прорвал,
Лишь ножку вывихнул да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несётся.

Вот пуще той беды беда над головой!
Отколь ни взялся ястреб злой;
Незвидел света Голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкоротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орёл, с небес направля свой полёт,
Ударил в ястреба всей силой –
И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнём.
Но тем ещё не кончилось на нём:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребёнок, черепком наметя в Голубка, –
Сей возраст жалости не знает, –
Швырнул и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплёлся кое-как домой без новых бед.
Счастлив ещё: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.
О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите!
Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг.
Что б ни сулило вам воображение ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живёт ваш друг.

Червонец

Полезно ль просвещение?
Полезно, слова нет о том.
Но просвещением зовём
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравов развращенье;
Так надобно гораздо разбирать,
Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать её намерен вам.

Мужик, простак, каких везде немало,
Нашёл червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однако ж пятаков пригоршни трои
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же, – думает мужик, – дадут мне вдвое;
Придумал кой-что я такое,

Что у меня его с руками оторвут».
Тут, взяв песку, дресвы и мелу
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу.
И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерёт,
Песком и мелом трёт;
Ну, словом, так, как жар, его поставить хочет,
И подлинно, как жар, Червонец заиграл:
Да только стало
В нём весу мало,
И цену прежнюю Червонец потерял.

Троеженец

Какой-то греховодник
Женился от живой жены ещё на двух.
Лишь до Царя о том донёсся слух
(А Царь был строг и не охотник
Таким соблазнам потакать),
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать
И выдумать ему такое наказание,
Чтоб в страх привести народ
И покуситься бы никто не мог вперёд
На столь большое злодеянье:
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».

Судьям худые шутки:

В холодный пот кидает их боязнь.

Судьи толкуют трои сутки,

Какую б выдумать преступнику им казнь.

Их есть и тысячи; но опытами знают,

Что всё они людей от зла не отучают.

Однако ж, наконец, их надоумил бог.

Преступник призван в суд для объявленья

Судейского решенья,

Которым, с общего сужденья,

Приговорили: жён отдать ему всех трёх.

Народ суду такому изумился

И ждал, что Царь велит повесить всех судей;

Но не прошло четырёх дней,

Как Троеженец удавился;

И этот приговор такой наделал страх,

Что с той поры на трёх женах

Никто в том царстве не женился.

Безбожники

Был в древности народ, к стыду земных племён,

Который до того в сердцах ожесточился,

Что противу богов вооружился.

Мятежные толпы, за тысячью знамён,

Кто с луком, кто с пращой, шумя, несутся в поле.

Зачинщики, из удалых голов,

Чтобы поджечь в народе буйства боле,

Кричат, что суд небес и строг и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор камнями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметать Олимп стрелами.
Смутяся дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что, к убеждению бунтующих, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождём.
«Пождем, —
Юпитер рек, — а если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,
Они от дел своих казнятся».
Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богомятежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.

Желая светлым днём вполне налюбоваться,
Орёл поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии рождаются.
Спустившись, наконец, из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у Царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что́ за мысль, но только что Орел
Немного посидел
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что́ Орлы в чести такой?
Неужли за полёт, голубушка-соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперёд такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что по́низу они летают так, как куры».
Орёл отвечает, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться:
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости трудов не трать напрасно,
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

Лягушки, просящие Царя

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно.
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шёпотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашек,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!

Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу преввысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царём ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком,
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые ещё поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит всё по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царём житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам тёплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля,
Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Что́ завтрак, что́ обед, что́ ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит чёрный год.

В Лягушках каждый день великий недочёт.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и – проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почто́ ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас, –
Покая не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан – так этот очень лих:
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

Лев и Барс

Когда-то, в старину,
Лев с Барсом вёл предолгую войну
За спорные леса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правам – не тот у них был нрав;
Да сильные ж в правах бывают часто слепы.
У них на это свой устав:
Кто одолеет, тот и прав.

Однако, наконец, не вечно ж драться –
И когти притупятся:
Герои по правам решились разобраться;
Намерились дела военны прекратить,
Окончить все раздоры,
Потом, как водится, мир вечный заключить
До первой ссоры.
«Назначим же скорей
Мы от себя секретарей, –
Льву предлагает Барс, – и как их ум рассудит,
Пусть так и будет.
Я, например, к тому определяю Кота:
Зверёк хоть неказист, да совесть в нём чиста;
А ты Осла назначь: он знатного же чина,
И, к слову молвить здесь,
Куда он у тебя завидная скотина!
Поверь, как другу, мне: совет и двор твой весь
Его копытца вряд ли стоят.
Положимся ж на том,
На чём
С моим Котишком он устроит».
И Лев мысль Барса утвердил
Без спору;
Но только не Осла, Лисицу нарядил
Он от себя для этого разбору,
Примолвя про себя (как видно, знал он свет):
«Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет».

Вельможа, в праздный час толкуя с Мудрецом
О тот о сём,
«Скажи мне, – говорит, – ты свет довольно знаешь,
И будто в книге, ты в сердцах людей читаешь:
Как это, что мы ни начнём,
Суды ли, общества ль учены заведём,
Едва успеем оглянуться,
Как первые невежи тут вотрутся?
Ужли от них совсем лекарства нет?»
«Не думаю, – сказал Мудрец в ответ, –
И с обществами та ж судьба (сказать меж нами),
Что с деревянными домами». –
«Как?» – «Так же: я вот свой достроил сими днями;
Хозяева в него ещё не вобрались,
А уж сверчки давно в нём завелись».

-

Мор зверей

Лютейший бич небес, природы ужас – мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настежь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде размётаны её свирепства жертвы, –
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх;
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:

Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдёт.
С голубкой голубь врознь живёт,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?
В сём горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други! – начал Лев, – по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И тёплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чём погрешил когда он вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь – хоть это мне и больно, –
Не прав и я!
Овечек бедненьких – за что? – совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда, – кто без греха? –
Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.

Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть, –
Того бы в жертву и принести,
И было бы богам то более угодно».

«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты, –
Лисица говорит, – в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всём мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.

А что до пастухов, мы все здесь бьём челом:
Их чаще так учить – им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней на тот же лад
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чём Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черёд
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:

Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клочок сена стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и телá нам спасти и нравы от заразы!
Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили –
И на костёр Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто помирней, так тот и виноват.

Собачья дружба

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лёжа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись –
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днём –
Так рассуждать они пустились вдвоём
О всякой всячине: о их собачьей службе,

О ху́де, о до́бре и, на́конец, о дру́жбе.
«Что мо́жет, – го́ворит По́лкан, – при́ятней бы́ть,
Ка́к с дру́гом се́рдце к се́рдцу жи́ть;
Во в́сем о́казывать́ в́заимную́ услу́гу;
Не спи́ть бе́з дру́га и не съе́сть,
Стоя́ть го́рой за дру́жную ше́рсть,
И, на́конец, в гла́за гляде́ть дру́г дру́гу,
Что́б то́лько улу́чить сча́сливый ча́с,
Не́льзя ли дру́га че́м поте́шить, поза́бави́ть
И в дру́жном сча́стье в́се́ своё́ бла́женство ста́вить!
Во́т е́сли б, на́пример, с то́бой у́ нас
Та́кая дру́жба за́велась:
Ска́жу я сме́ло,
Мы б и не ви́дели, ка́к вре́мя бы ле́тело»,
«А что́ же? э́то де́ло! –
Ба́рбос о́твечает́ ему́. –
Да́вно, По́лкану́шка, мне бо́льно са́мому.
Что́, бы́вши о́дного́ двора́ с то́бой соба́ки,
Мы д́ня не про́живе́м бе́з дра́ки;
И из че́го? Спа́сибо го́спода́м:
Ни го́лодно, ни те́сно на́м!
При́том же, пра́во, сты́дно:
Пе́с дру́жества́ слы́ве́т при́мером с да́вних д́ней,
А дру́жбы ме́жду псов, ка́к бу́дто ме́ж лю́дей,
По́чти со́всем не ви́дно». –
«Я́вим же в не́й при́мер мы в на́ши вре́мена! –
Вскри́чал По́лкан, – да́й ла́пу!» – «Во́т она́!»
И но́вые дру́зья ну́ обнима́ться,
Ну́ целова́ться;
Не зна́ют с ра́дости, к ко́му и при́равня́ться:
«О́рест мой!» – «Мо́й Пи́лад!» Про́чь сва́ры, зави́сть, зло́сть!
Ту́т пова́р на бе́ду из ку́хни ки́нул ко́сть.

Вот новые друзья к ней взапуски несутся:

Где делся и совет и лад?

С Пиладом мой Орест грызутся, —

Лишь только клочья вверх летят:

Насилу, наконец, их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:

Послушать, кажется, одна у них душа, —

А только кинь им кость, так что твои собаки!

Раздел

Имея общий дом и общую контору,

Какие-то честные торгаши

Наторговали денег гору;

Окончили торги и делят барыши.

Но в дележе когда без спору?

Заводят шум они за деньги, за товар, —

Как вдруг кричат, что в доме их пожар.

«Скорей, скорей спасайте

Товары вы и дом!»

Кричит один из них: «Ступайте,

А счёты после мы сведём!»

«Мне только тысячу мою сперва додайте, —

Шумит другой, —

Я с места не сойду долой». —

«Мне две не додано, а вот тут счёты ясны», —
Ещё один кричит. «Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что, и почему!»
Забывши, что пожар в доме,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И всё они со всем добром своим сгорели.
В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того гибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней.
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

Бочка

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе – вещь святая!
Вот, если б дело шло о деньгах, речь иная:
Тут дружба в сторону, и можно б отказать, —

А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И всё бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,
Что винный дух пошёл от ней во всём:

Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться даёт;
Но чем ту Бочку не нальёт,
А винный дух всё вон нейдёт,
И с Бочкой, наконец, он принуждён расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напиться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А всё им будешь отзываться.

-

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор –
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнём.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит наконец
Ему рассчестся за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, устроим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий перервал в ответ, —

Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой». —
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Ручей

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягнёнок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река несытая! что, если б дно твоё
Так было, как моё,
Для всех и ясно и открыто
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно проглотила?
Я, чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И в тёмных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга.
Но с них бы не унёс листочка.
Ну, словом, делая путём моим добро,
Не приключая нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилась чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Рассеялась:
Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;
Но, ах! куда в Ручье смиренность делась?
Ручей из берегов бьёт мутною водой,

Кипит, ревёт, крутит нечисту пену в клубы,
Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым складом,
Погиб со всем своим в нём стадом,
А хижины его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смирно, гладко
И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них воды!

Лисица и Сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» –
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманёк!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьёй,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько».

«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

Прохожие и Собаки

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там ещё две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец! — тут другой ему сказал, —
Собак ты не уймёшь от лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;

Пойдём вперёд: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

-

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:

«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое всё пела».
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счёту прилыгал.
«Нет, – говорит, – что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.

Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растёт и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что за диковина! – приятель отвечал, –
На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нём пройти не смеет;
До половины не дойдёт –
Провалится и в воду упадёт;
Но кто не лжёт,
Ступай по нём, пожалуй, хоть в карете».
«А какова у вас река?»
«Да не мелка.
Так, видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нём?»
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
«Поверить трудно!

Однако ж как ни чудно,
А всё чуден и мост, по коем мы пойдём,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней ещё весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо.
Ну, не такое ещё диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за дома:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!»
«Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нём пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, –
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

Орёл и Пчела

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придаёт,

Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтён, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлён одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орёл однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с умением!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберёт
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля мёду есть».

Заяц на ловле

Большой собравшись гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили –
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой, –
Кричат ему, – пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».
«Вот, братцы! – Заяц отвечал, –
Да из лесу-то кто ж, – всё я его пугал
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка?»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит.
Тот завсегда других упрямей и вздорней;
Он лучше дело всё погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял её с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? –
Стал Щуке Васька говорить. –
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идёт;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, –
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,

Кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

Волк и Кукушка

«Прощай, соседка! – Волк Кукушке говорил, –
Напрасно я себя покоем здесь манил!
Всё те ж у вас и люди и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки». –
«А далёко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивой,
С которым думаешь ты жить в ладу?»
«О, я прямёхонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что война;
Как агнцы, кротки человеки
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают.
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,
Не мило ль, даже и во сне,

Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживём:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь, ходи с оглядкой днём
И не засни спокойно на ночлеге».
«Счастливым путь, сосед мой дорогой! –
Кукушка говорит. – А свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь, иль возьмёшь с собой?»
«Уж кинуть, вздор какой!» –
«Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы».

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернётся,
А первый сам ни с кем не уживётся.

Петух и Жемчужное зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:

В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

Крестьянин и Работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шёл под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милой!» —

Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой.

Что только было в нём,
Отнёс полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй, – говорит, – за что?» – «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

Обоз

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться,
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.

Какой осёл! Добро бы было в гору
Или в ночную пору, –
А то и под гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнём!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырёх ног
На славу;
По камням, рывинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Воронёнок

Орёл

Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягнёнка,
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Воронёнка,
Да только думает он так: «Уж брать так брать,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал, наконец,
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъём.
Издавсь, на него спустился
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нём.
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытербил вон
Затейник наш крылатый
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окорнали
И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.

Слон на воеводстве

Кто знатен и силен,
Да не умён,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит –
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
«О плуты! – Слон кричит, – какое преступлен!
Кто грабить дал вам позволение?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил лёгонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;

Да и того им жаль отдать».

«Ну, то-то ж, – говорит им Слон, – смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

Осёл и Соловей

Осёл увидел Соловья

И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!

Ты, сказывают, петь великий мастерище.

Хотел бы очень я

Сам посудить, твоё услышав пенье,

Велико ль подлинно твоё умение?»

Тут Соловей являть своё искусство стал:

Защёлкал, засвистал

На тысячу ладов, тянул, переливался;

То нежно он ослабевал

И томной вдалеке свирелью отдавался,

То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.

Внимало всё тогда

Любимцу и певцу Авроры:

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,

И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался

И только иногда,

Внимая Соловью, пастушке улыбался.

Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, – говорит, – сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.
Избави, бог, и нас от этих судей.

Откупщик и Сапожник

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком, через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он не досыпает.
Уж божьего ль боится он суда,
Иль просто трусит разориться:
Да только всё ему не крепко как-то спится.
А сверх того, хоть иногда
Он вздремлет на заре, так новая беда:

Бог дал ему певца соседа.
С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
Сапожник, но такой певун и весельчак,
Что с утренней зари и до обеда,
С обеда до ночи без умолку поёт
И богачу заснуть никак он не даёт.
Как быть и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья его отвадить?
Велеть молчать: так власти нет;
Просил: так просьба не берёт.
Придумал, наконец, и за соседом шлёт.
Пришёл сосед.
«Приятель дорогой, здорово!»
«Челом вам бьём за ласковое слово».
«Ну, что, брат, каково делишки, Клим, идут?»
(В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.
«Делишки, барин? Да не худо!»
«Так от того-то ты так весел, так поёшь?
Ты, стало, счастливо живёшь?»
«На бога грех роптать, и что ж за чудо?
Работою завален я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А с доброю женой, кто этого не знает,
Живётся как-то веселей». —
«И деньги есть?» — «Ну, нет, хоть лишних не бывает,
Зато нет лишних и затей».
«Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?»
«Я этого не говорю;
Хоть бога и за то, что есть, благодарю;
Но сам ты, барин, знаешь,
Что человек, пока живёт,
Всё хочет более: таков уж здешний свет.

Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало,
И мне бы быть богачей не мешало».
«Ты дело говоришь, дружок:
Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
Хоть говорят, что бедность не порок,
Но всё уж коль терпеть, так лучше от богатства,
Возьми же: вот тебе рублёвиков мешок:
Ты мне за правду полюбился.
Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сих денег не моги
И к нужде их ты береги!
Пять сот рублей тут верным счётом.
Прощай!» Сапожник мой,
Схватя мешок, скорей домой
Не бегом, летом;
Примчал гостинец под полой;
И той же ночи в подземелье
Зарыл мешок – и с ним своё веселье!
Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);
Всё подозрительно, и всё его тревожит:
Чуть ночью кошка заскребёт,
Ему уж кажется, что вор к нему идёт:
Похолодеет весь, и ухо он приложит.
Ну, словом, жизнь пошла, хоть кинуться в реку.
Сапожник бился, бился
И, наконец, за ум хватился:
Бежит с мешком к Откупщику
И говорит: «Спасибо на приятстве,
Вот твой мешок, возьми его назад:
Я до него не знал, как худо спят.
Живи ты при своём богатстве:

А мне, за песни и за сон,
Не надобен ни миллион».

Крестьянин в беде

К Крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так что наш мужик, бедняк,
Богатым лёг, а с голью встал такою,
Хоть по миру поди с сумою;
Не дай бог никому проснуться худо так!
Крестьянин тужит и горюет,
Родно сзывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.
«Нельзя ли, – говорит, – помочь беде моей?»
Тут всякий с мужиком толкует,
И умный свой даёт совет.
Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
Не надобно было тебе по миру славить,
Что столько ты богат».
Сват Климыч говорит: «Вперёд, мой милый сват,
Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить».
«Эх, братцы, это всё не так, –
Сосед толкует Фока, –

Не то беда, что клеть далека,
Да надо на дворе лихих держать собак;
Возьми-ка у меня щенка любого
От Жучки: я бы рад соседа дорогого
От сердца наделить,
Чем их топить».
И словом, от родни и от друзей любезных
Советов тысячу надавано полезных,
Кто сколько мог,
А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадёшься,
Отведай сунуться к друзьям,
Начнут советовать и вкось тебе, и впрямь:
А чуть о помощи на деле заикнёшься,
То лучший друг
И нем и глух.

Хозяин и Мыши

Коль в доме станут воровать,
А нет прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всех сплошь и без разбору:
Ты вора этим не уймёшь
И не исправишь,
А только добрых слуг с двора бежать заставишь,
И от меньшей беды в большую попадёшь.

Купчина выстроил анбары
И в них поклат съестные все товары.
А чтоб мышиный род ему не навредил,
Так он полицию из кошек учредил.
Спокоен от Мышей Купчина;
По кладовым и день и ночь дозор;
И всё бы хорошо, да сделалась причина:
В дозорных появился вор.
У кошек, как у нас (кто этого не знает?),
Не без греха в надсмотрщиках бывает.
Тут, чем бы вора подстеречь
И наказать его, а правых поберечь,
Хозяин мой велел всех кошек пересечь.
Услыша приговор такой замысловатый,
И правый тут, и виноватый
Скорей с двора долой.
Без кошек стал Купчина мой.
А Мыши лишь того и ждали и хотели:
Лишь кошки вон, они – в анбар,
И в две иль три недели
Поели весь товар.

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ –

Известно, что Слоны в диковинку у нас –

Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.

Увидевши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться,

Ну, так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, –

Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном возиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт

Вперёд

И лаю твоего совсем не примечает».

«Эх, эх! – ей Моська отвечает. –

Вот то-то мне и духу придаёт,

Что я, совсем без драки,

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

„Ай, Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона!“»

Волк и Волчонок

Волчонка Волк, начав помалу приучать

Отцовским промыслом питаться,

Послал его опушкой прогуляться;

А между тем велел прилежней примечать,

Нельзя ль где счастья им отведать:

Хоть, захвата греха,

На счёт бы пастуха
Позавтракать иль пообедать!
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдём скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унести,
И съесть;
А стадо таково, что трудно перечесать».
«Постой-ка, – Волк сказал, – сперва мне ведать надо,
Каков пастух у стада?»
«Хоть говорят, что он
Не плох, заботлив и умен,
Однако стадо я обшел со всех сторон
И высмотрел собак: они совсем не жирны,
И плохи, кажется, и смирны».
«Меня так этот слух, –
Волк старый говорит, – не очень к стаду манит;
Коль подлинно не плох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадёшь в беду!
Пойдём-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сбережём верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».

Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не лстись
Ни благодарности, ни; славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился;
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, — как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесёт,
То так, то сак его обхватит,
То поволочёт, то покатит;
Рекой с бедняжки льётся пот;
И, наконец, она, пыхтя, насилиу дышит:
А всё ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

Мешок

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
Как вдруг
Мешок наш в честь попался
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит,
Хозяин сам его лелеет,
И бережёт Мешок он так,
Что на него никак
Ни ветер не пахнет, ни муха сесть не смеет;
А сверх того с Мешком
Весь город стал знаком.
Приятель ли к хозяину приходит:
Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так глядит;
Когда же кто к нему подсядет,
То верно уж его потреплет иль погладит.
Увидя, что у всех он стал в такой чести,
Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался,
Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всём и рядит он и судит:
И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.

Все только слушают его, разинув рот;
Хоть он такую дичь несёт,
Что уши вянут:
Но у людей, к несчастью, тот порок,
Что им с червонцами Мешок
Чтó ни скажи, всему дивиться станут.
Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом,
И долго ли его ласкали?
Пока все из него червонцы потаскали;
А там он выброшен, и слуху нет о нём.

Мы басней никого обидеть не хотели:
Но сколько есть таких Мешков
Между откупщиков,
Которы некогда в подносчиках сидели;
Иль между игроков,
Которы у себя за редкость рубль видали,
А ныне, пополам с грехом, богаты стали;
С которыми теперь и графы и князья –
Друзья;
Которые теперь с вельможей,
У коего они не смели сесть в прихожей,
Играют запросто в бостон?
Велико дело – миллион!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вам тишком?
Не дай бог, если разоритесь:
И с вами точно так поступят; как с Мешком.

Кот и Повар

Какой-то Повар, грамотей
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратись, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей!» –
Тут Ваську Повар укоряет, –

Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька всё-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, –

А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,

Кот Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному

Велел на стенке зарубить:

Чтоб там речей не тратить по-пустому.

Где нужно власть употребить.

Лев и Комар

Бессильному не смейся

И слабого обидеть не моги!

Мстят сильно иногда бессильные враги:

Так слишком на свою ты силу не надейся!

Послушай басню здесь о том,

Как больно Лев за спесь наказан Комаром.

Вот что о том я слышал стороною:

Сухое к Комару явил презрение Лев;

Зло взяло Комара: обиды не стерпев,

Собрался, поднялся Комар на Льва войною.

Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань

И вызывает Льва на смертоносну брань.

Льву смех, но наш Комар не шутит:

То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!

И, место высмотрев и время улуча,

Орлом на Льва спустился

И Льву в крестец всем жалом впился.

Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.

Увёртлив наш Комар да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосёт.
Лев голову крутит, Лев гривую трясёт;
Но наш герой своё несёт:
То в нос забьётся Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерёт когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; всё кроется, бежит;
Отколь у всех зверей взялися ноги,
Как будто бы пришёл потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

Огородник и Философ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж и свеж на взгляд;

Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий красnobай, названный друг природы,
Недоученный Философ,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить,
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моею
Далеко от тебя уеду,
И огород твой при моём
Казаться будет пустырём.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-как идёт.
Как ты ещё не разорился?
Ты чай, ведь никаким наукам не учился?»
«И некогда, – соседа был ответ! –
Прилежность, навык, руки:
Вот все мои тут и науки;
Мне бог и с ними хлеб даёт».
«Невежа! восставать против наук ты смеешь?»
«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
Коль ты что путное затеешь,
Я перенять всегда готов». –

«А вот увидишь ты, лишь лета б нам дождаться...»
«Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
Уж я кой-что посеял, посадил;
А ты и гряд ещё не взрыл».
«Да, я не взрыл, за недосугом;

Я всё читал
И вычитал,
Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.
Но время ещё не уйдёт».
«Как вас, а нас оно не очень ждёт», –
Последний отвечал и тут же с ним расстался,
Взяв заступ свой;
А Философ пошёл домой.
Читал, выписывал, справлялся
И в книгах рылся и в грядках, –
С утра до вечера в трудах.
Едва с одной работой сладит,
Чуть на грядках лишь что взойдёт,
В журналах новость он найдёт –
Всё перероет, пересадит
На новый лад и образец.
Какой же вылился конец?
У Огородника возшло всё и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Философ –
Без огурцов.

Крестьянин и Лисица

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть? –
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею. –
Я, право, о тебе жалею!

Послушай, мы теперь вдвоём,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
Ни на волос добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грех и стыдно
И что бранит тебя весь свет,
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?»
«Кому такая жизнь сносна? –
Лисица отвечает. –
Меня так всё в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища не вкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож».
«Ну, что ж? –
Крестьянин говорит. – Коль вправду ты не лжёшь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чём не будешь ты нуждаться
И станешь у меня как в масле сыр кататься».
Торг сложен; и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.
Пошло у Мужика житьё Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,

Лисица стала и жирней,
Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночь потемней,
У куманька всех кур передушила.
В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдёт, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион –
Он воровать не перестанет.

Воспитание Льва

Льву, Кесарю лесов, бог сына даровал.
Звериную вы знаете природу:
У них, не как у нас – у нас ребёнок году,
Хотя б он царский был, и глуп, и слаб, и мал;
А годовалый Львёнок
Давно уж вышел из пелёнок.
Так к году Лев-отец не шуткой думать стал.
Чтобы сына невежей не оставить,
В нём царску честь не уронить
И чтоб, когда сынку придётся царством править,
Не стал бы за сына народ отца бранить.
Кого ж бы попросить, нанять или заставить
Царевича Царём на выучку поставить?
Отдать его Лисе – Лиса умна:

Да лгать великая охотница она;
А со лжецом во всяком деле мука:
Так это, думал Царь, не царская наука.
Отдать Кроту: о нём молва была,
Что он во всём большой порядок любит:
Без ошупи шага не ступит
И всякое зерно для своего стола
Он сам и чистит, сам и лупит;
И словом, слава шла,
Что Крот великий зверь на малые дела:
Беда лишь под носом глаза Кротовы зорки,
Да вдаль, не видят ничего;
Порядок же Кротов хорош, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барс отважен и силен,
А сверх того, великий тактик он;
Да, Барс политики не знает:
Гражданских прав совсем не понимает,
Какие ж царствовать уроки он подаст!
Царь должен быть судья, министр и воин,
А Барс лишь резаться горазд:
Так и детей учить он царских недостоин.
Короче: звери все, и даже самый Слон,
Который был в лесах почтён,
Как в Греции Платон,
Льву всё ещё казался не умён
И не учён.
По счастью, или нет (увидим это вскоре),
Услышав про царёво горе,
Такой же царь, пернатых царь, Орёл,
Который вёл
Со Львом приязнь и дружбу,

Для друга сослужить большую взялся службу
И вызвался сам Львёнка воспитать.
У Льва как гору с плеч свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было
Царевичу царя в учителя сыскать?
Вот Львёнка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать к Орлу.
Проходит год и два; меж тем, кого ни спросят,
О Львёнке ото всех лишь слышат похвалу:
Все птицы чудеса о нём в лесах разносят.
И, наконец, приходит срочный год,
Царь-Лев за сыном шлёт.
Явился сын; тут царь собирает весь народ,
И малых и больших сзывает;
Сынка целует, обнимает,
И говорит ему он так: «Любезный сын,
По мне наследник ты один;
Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет вступаешь!
Так я тебе охотно царство сдам.
Скажи теперь при всех лишь нам,
Чему учен ты, что ты знаешь
И как ты свой народ счастливым сделать чаешь?!»
«Папá, – отвечивал сынок, – я знаю то,
Чего не знает здесь никто:
И от Орла до Перепёлки,
Какой где птице боле вод,
Какая чем из них живёт,
Какие яйца несёт,
И птичьи нужды все сочту вам до иголки.
Вот от учителей тебе мой аттестат:
У птиц не даром говорят,

Что я хватаю с неба звёзды;
Когда ж намерен ты правление мне вручить,
То я тотчас начну зверей учить
Вить гнезды».

Тут ахнул царь и весь звериный свет;
Повесил головы Совет,
А Лев-старик поздненько спохватился,
Что Львёнок пустякам учился
И не добро он говорит;
Что пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кого зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Старик и трое молодых

Старик садить собирался деревцо.
«Уж пусть бы строиться; да как садить в те лета,
Когда уж смотришь вон из света! –
Так, Старику смеясь в лицо,
Три взрослых юноши соседних рассуждали. –
Чтоб плод тебе твои труды желанный дали,
То надобно, чтоб ты два века жил.
Неужли будешь ты второй Мафусаил?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебе ли затевать толь дальние расчёты?
Едва ли для тебя текущий верен час?

Такие замыслы простительны для нас:
Мы молоды, цветём и крепостью и силой,
А старику пора знакомиться с могилой».
«Друзья! – смиренно им отвечает Старик, –
Из детства я к трудам привык;
А если оттого, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За труд такой ещё охотнее берусь.
Кто добр, не всё лишь для себя трудится,
Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь.
То внук мой некогда сей тенью насладится,
И это для меня уж плод.
Да можно ль и за то ручаться наперёд,
Кто здесь из нас кого переживёт?
Смерть смотрит ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лиц?
Ах, в старости моей прекраснейших девиц
И крепких юношей я провожал в могилу!
Кто знает: может быть, что ваш и ближе час
И что сыра земля покроет прежде вас».
Как им сказал Старик, так после то и было,
Один из них в торги пошёл на кораблях;
Надеждой счастье сперва ему польстило;
Но бурю корабль разбило, –
Надежду и пловца – всё море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшему порока власти,
За роскошь, негу и за страсти
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий – в жаркий день холодного испил

И слёг: его врачам искусным поручили,
А те его до смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.

Дерево

Увидя, что топор Крестьянин нес,
«Голубчик, – Деревцо сказало молодое, –
Пожалуй, вырубь вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы,
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалось красою сей стране,
И тенью бы моей покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина».
Взялся Крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Деревца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!
То солнцем дерево печёт,
То градом, то дождём сечёт,
И ветром, наконец, то Деревцо сломило.
«Безумное! – ему сказала тут змея, –

Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало,
И время их бы отошло,
Тогда в свою чреду ты столько б возросло,
Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

Гуси

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснётся,
Не только там гусям, и людям достаётся).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,

Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведём от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!»
«А вы хотите быть за что отличены?» —
Спросил прохожий их. — «Да наши предки...» «Знаю,
И все читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Рим спасли!»
«Всё так, да вы что сделали такое?»
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздражить.

Свинья

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен так и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась:
И из гостей домой
Пришла свинья свиньёй.
«Ну что ж, Хавронья, там ты видела такого? —

Свинью спросил пастух. –
Ведь идёт слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не заметила богатства никакого:
Всё только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

Муха и Дорожные

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьёй дворян,
Четвёркою рыдван
Тащился.
Кони измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он.
И, лошадей мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
А легче нет. Ползут из колымаги вон

Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, знать, рыдван был плотно нагружён,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится:
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперёк шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет
И только плачется на то,
Что ей ни в чём никто
Никак помочь не хочет.
Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукуют тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушёл с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всём заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу
Втащились на ровную дорогу.
«Ну, – Муха говорит, – теперя слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

Орёл и Паук

За облака Орел
На верх Кавказских гор поднялся;
На кедре там столетнем сел
И зримым под собой пространством любовался.
Казалось, что оттоль он видел край земли:
Там реки по степям излучисто текли;
Здесь рощи и луга цвели
Во всём весеннем их уборе;
А там сердитое Каспийско море,
Как ворона крыло, чернелось вдали.
«Хвала тебе, Зевес, что, управляя светом,
Ты рассудил меня снабдить таким полетом,
Что неприступной я не знаю высоты, —
Орёл к Юпитеру взывает, —
И что смотрю оттоль на мира красоты,
Куда никто не залетает».
«Какой же ты хвастун, как погляжу! —
Паук ему тут с ветки отвечает, —
Да ниже ль я тебя, товарищ, здесь сижу?»
Орёл глядит: и подлинно, Паук,
Над самым им раскинув сеть вокруг,
На веточке хлопочет,
И, кажется, Орлу заткать он солнце хочет.
«Ты как на этой высоте? —
Спросил Орёл, — и те,

Которые полёт отважнейший имеют,
Не все сюда пускаться смеют;
А ты без крыл и слаб; неужли ты дополз?»
«Нет, я б на это не решился».
«Да как же здесь ты очутился?»
«Да я к тебе же прицепился,
И снизу на хвосте ты сам меня занёс:
Но здесь и без тебя умею я держаться;
И так передо мной прошу не величаться;
И знай, что я...» Тут вихрь, отколе ни возьмись,
И сдунул Паука опять на самый низ.

Как вам, а мне так кажутся похожи
На этаких нередко Пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможи;
А надувают грудь,
Как будто б силою их бог снабдил орлиной:
Хоть стоит ветру лишь пахнуть,
Чтоб их унести и с паутиной.

Лань и Дервиш

Младая Лань, своих лишась любезных чад,
Ещё сосцы млеко имея отягченны,
Нашла в лесу двух малых волченят
И стала выполнять долг матери священный,
Своим питая их млеко.

В лесу живущий с ней одним,
Дервиш, её поступком изумленный:
«О безрассудная! – сказал, – к кому любовь,
Кому своё млеко ты расточаешь?
Иль благодарности от их ты роду чаешь?
Быть может, некогда (иль злости их не знаешь?)
Они прольют твою же кровь».
«Быть может, – Лань на это отвечала, –
Но я о том не помышляла
И не желаю помышлять:
Мне чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко моё меня бы тяготило,
Когда б не стала я питать».

Так, истинная благодать
Без всякой мзды добро творит:
Кто добр, тому избытки в тягость,
Коль он их с ближним не делит.

-

Собака

У барина была Собака шаловлива.
Хоть нужды не было Собаке той ни в чём:
Иная бы таким житьём
Была довольна и счастлива
И не подумала бы красть!
Но уж у ней была такая страсть:
Что из мясного ни достанет,

В минуту стянёт.

Хозяин сладить с ней не мог,

Как он ни бился,

Пока его приятель не вступился

И в том ему советом не помог.

«Послушай, – говорит, – хоть, кажется, ты строг,

Но ты лишь красть Собаку приучаешь

Затем, что краденый кусок

Всегда ей оставляешь.

А ты вперёд её хоть меньше бей,

Да кражу отнимай у ней».

Едва лишь на себе Собака испытала

Совет разумный сей, –

Шалить Собака перестала.

Орёл и Крот

Не презирай совета ничьего,

Но прежде рассмотри его.

Со стороны прибыв далёкой

В дремучий лес, Орёл с Орлицею вдвоём

Задумали навек остаться в нём

И, выбравши ветвистый дуб высокой,

Гнездо себе в его вершине стали вить,

Надеясь и детей тут вывести на лето.

Услыша Крот про это,

Орлу взял смелость доложить,

Что этот дуб для их жилища не годится,
Что весь почти он в корне сгнил
И скоро, может быть, свалится,
Так чтоб Орёл гнезда на нём не вил.
Но кстати ли Орлу принять совет из норки,
И от Крота! А где же похвала,
Что у Орла
Глаза так зорки?
И что за стать Кротам мешаться сметь в дела
Царь-птицы!
Так многого с Кротом не говоря,
К работе поскорей, советчика презря, –
И новоселье у царя
Поспело скоро для царицы.
Всё счастливо: уж есть и дети у Орлицы.
Но что ж? – Однажды, как зарей,
Орёл из-под небес к семье своей
С богатым завтраком с охоты торопился,
Он видит: дуб его свалился
И подавило им Орлицу и детей.
От горести невзвидя свету:
«Несчастный! – он сказал, –
За гордость рок меня так люто наказал,
Что не послушался я умного совету.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Крот совет мог добрый дать?»
«Когда бы ты не презрел мною, –
Из норки Крот сказал, – то вспомнил бы, что рою
Свои я норы под землей
И что, случаясь близ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу верней».

Квартет

Проказница Мартышка,

Осёл,

Козёл

Да косолапый Мишка

Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альты, две скрипки

И сели на лужок под липки, –

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. – Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альты,

Я, прима, сяду против вторы;

Тогда пойдёт уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он всё-таки на лад нейдет.

«Постойте ж, я сыскал секрет! –

Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;

А всё-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.

«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!»
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей, –
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Листы и Корни

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зелёностью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.

Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами».
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», –
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» –

Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, –
Им снизу отвечали, –
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, –
Не станет дерева, ни вас».

Волк и Лисица

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.
Мы этой басней поясним,
Затем что истина сноснее вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта

И добрый ворошок припрятавши в запас,
Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.
Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.
«Что, кумушка, беды! – он говорит. –
Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!»
«Неужли?» – «Право, так». – «Бедняжка куманёк?
Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова».
А куму не сенца, хотелось бы мяснова –
Да про запас Лиса ни слова.
И серый рыцарь мой,
Обласкан по уши кумой,
Пошёл без ужина домой.

Бумажный Змей

Запущенный под облака,
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине мотылька,
«Поверишь ли! – кричит, – чуть-чуть тебя мне видно;
Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь полет».
«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.

Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далёко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для другого,
Пустого
Век целый не трещу».

-

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Скворец

У всякого талант есть свой.
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чём он совсем не годен
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.
Какой-то смолоду Скворец
Так петь щеглёнком научился,
Как будто бы щеглёнком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, –
А Скворушка завистлив был, к несчастью, –
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козлёнком,
То не путём
Мяукал он котёнком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньём.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щеглёнком,
Чем дурно соловьём.

Пруд и Река

«Что это, – говорил Реке соседний Пруд, –
Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счёту нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
Да это, право, всё пустое!
Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов
Мне здесь не для чего страшиться;
Не знаю даже я, каков тяжёл челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.

Что беззаботную заменит жизнь такую?
За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон».
«А, философствуя, ты помнишь ли закон? –
Река на это отвечает, –
Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это оттого, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,
И буду, может быть, ещё я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова её сбылись: она течёт поныне;
А бедный Пруд год от году всё глож,
Заволочён весь тиною глубокой,
Зацвёл, зарос осокой
И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов –
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеётся Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Механик

Какой-то молодец купил огромный дом,
Дом, правда, дедовский, но строенный на славу:
И прочность, и уют, всё было в доме том,
И дом бы всем пришёл ему по нраву,

Да только то беды –
Немножко далеко стоял он от воды.
«Ну, что ж, – он думает, – в своём добре я властен:
Так дом мой, как он есть,
Велю машинами к реке я перевести
(Как видно, молодец механикой был страстен!),
Лишь сани под него подвести,
Подрывшись наперёд ему под основание,
А там уже, излазя на катках,
Я вóротом, куда хочу, всё зданье
Поставлю, будто на руках.
И что ещё, чего не видано на свете:
Когда перевозить туда мой будут дом.
Тогда под музыкой с приятелями в нём,
Пируя за большим столом,
На новоселье я поеду, как в карете».
Пленился глупостью такой,
И к делу приступил тотчас Механик мой.
Рабочих подрядил, под домом рылся, рылся,
Ни денег, ни забот нимало не берёг;
Однако ж дома он перетащить не мог
И только до того добился,
Что дом его свалился.

* * *

Как много у людей
Затей,
Которые ещё опасней и глупей!

Из малой искры став пожаром,
Огонь, в стремление яром,
По зданьям разлился в глухой полночный час.
При общей той тревоге
Потерянный Алмаз
Едва сквозь пыль мелькал, валяясь по дороге.
«Как ты, со всей своей игрой, –
Сказал Огонь, – ничтожен предо мной!
И сколь навичное потребно зренье,
Чтоб различить тебя при малом отдаленье,
Или с простым стеклом, иль с каплею воды,
Когда в них луч иль мой, иль солнечный играет!
Уж я не говорю, что всё тебе беды,
Что на тебя ни попадает:
Безделка – ленты лоскуток;
Как часто блеск твой затмевает,
Вокруг тебя один обвившись, волосок!
Не так легко затмить моё сиянье,
Когда я, в ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, как все усилия людей
Против себя я презираю;
Как с треском всё, что встречу, пожираю –
И зарево моё, играя в облаках,
Окрестностям наводит страх!»
«Хоть против твоего мой блеск и беден, –
Алмаз отвечает, – но я безвреден:
Не укорит меня никто ничьей бедой,
И луч досаден мой
Лишь зависти одной;

А ты блистешь лишь тем, что разрушаешь:
Зато, всей силой соединишься,
Смотри, как рвутся все, чтоб ты скорей погас.
И чем ты яростней пылаешь,
Тем ближе, может быть, к концу».
Тут силой всей народ тушить Пожар принялся;
Наутро дым один и смрад по нём остался.
Алмаз же вскоре отыскался
И лучшею красой стал царскому венцу.

-

Пустынник и Медведь

Хотя услуга нам при нужде дорогá,
Но за неё не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинокой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а тёмная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурова шелкова?»
«Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.

Идёт он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чём у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был неговорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни

Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лёг, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах – да он и не без дела:
У друга на нос муха села.
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгрёб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!» –
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть – хватъ друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

Цветы

В отворённом окне богатого покоя,
В фарфоровых, расписанных горшках,
Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
На проволочных стебельках
Качались спесиво
И выставляли всем красу свою на диво.

Вот дождик начал накрапать.
Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругают и поносят.
«Юпитер! – молятся, – ты дождик прекрати,
Что в нём пути
И что его на свете хуже?
Смотри, нельзя по улице пройти:
Везде лишь от него и грязь и лужи».
Однако же Зевес не внял мольбе пустой,
И дождь себе прошёл своею полосой.
Прогнавши зной,
Он воздух прохладил; природа оживилась,
И зелень вся как будто обновилась.
Тогда и на окне Цветы живые все
Раскинулись во всей своей красе
И стали от дождя душистей,
Свежее и пушистей.
А бедные Цветы поддельные с тех пор
Лишились всей красы и брошены на двор,
Как сор.

Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

Змея к крестьянину пришла проситься в дом,
Не по-пустому жить без дела,
Нет, нянчить у него детей она хотела:
Хлеб слаще нажитый трудом!
«Я знаю, – говорит она, – худую славу,
Которая у вас, людей,
Идёт про Змей,
Что все они презлого нраву;
Из древности гласит молва,
Что благодарности они не знают,
Что нет у них ни дружбы, ни родства,
Что даже собственных детей они съедают.
Всё это может быть: но я не такова.
Я сроду никого не только не кусала,
Но так гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда б я знала,
Что жить могу без жала;
И, словом, я добрей
Всех Змей.
Суди ж, как буду я любить твоих детей!»
«Коль это, – говорит Крестьянин, – и не ложно,
Всё мне принять тебя не можно;
Когда пример такой
У нас полюбят,
Тогда вползут сюда за доброю Змеей,
Одной
Сто злых и всех детей здесь перегубят.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому с тобой мне не ужиться,
Что лучшая Змея,

По мне ни к чёрту не годится».

Отцы, понятно ль вам, на что здесь мечу я?..

Крестьянин и Разбойник

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник да корову
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брёл домой просёлочным путём,
Как вдруг Разбойнику попался.
Разбойник Мужика как липку ободрал.
«Помилуй, – всплachtetся Крестьянин, – я пропал,
Меня совсем ты доконал!
Год целый я купить коровушку собирался:
Насилу этого дождался дня».
«Добро, не плачься на меня, –
Сказал, разжалобясь, Разбойник.
И подлинно, ведь мне коровы не доить;
Уж так и быть,
Возьми себе назад подойник».

Любопытный

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?»
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни, как изумруд, другие, как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
«Да разве там он?» – «Там». – «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

Лев на ловле

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить,
И что наловится, всё поровну делить.

Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поимала
И шлёт к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Делёж располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером. —
И начетверо он оленя раздирает. —
Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

Конь и Всадник

Какой-то Всадник так Коня себе нашколил,
Что делал из него всё, что изволил;
Не шевеля почти и поводов,
Конь слушался его лишь слов.
«Таких коней и взнуздывать напрасно, —
Хозяин некогда сказал. —
Ну, право, вздумал я прекрасно!»
И, в поле выехав, узду с Коня он снял.

Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавил только ходу
Слегка,
И, вскинув голову, потряхивая гривой,
Он выступкой пошёл игривой,
Как будто теша Седока.
Но, сменя, как над ним управа не крепка,
Взял скоро волю Конь ретивой:
Вскипела кровь его и разгорелся взор;
Не слушая слов всадниковых боле,
Он мчит его во весь опор
Через всё широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадник мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь боле лишь серчал и рвался
И сбросил, наконец, с себя его долой;
А сам, как бурный вихрь, пустился,
Не взвидя света, ни дорог,
Поколь, в овраг со всех махнувши ног,
До смерти не убился.
Тут в горести Седок:
«Мой бедный Конь, – сказал, – я стал виною
Твоей беды!
Когда бы не снял я с тебя узды,
Управил бы, наверно, я тобою:
И ты бы ни меня не сшиб,
Ни смертью б сам столь жалкой не погиб!»

* * *

Как ни приманчива свобода,

Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

Крестьяне и Река

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донести!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Река течёт так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймёт,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? как подходить к Реке поближе стали
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несёт.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой

И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдёшь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

-

Добрая Лисица

Стрелок весной малиновку убил.
Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое,
Но нет; за ней должны ещё погибнуть трое:
Он бедных трёх её птенцов осиротил.
Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
Малютки терпят голод
И холод
И писком жалобным зовут напрасно мать.
«Как можно не страдать,
Малюток этих видя;
И сердце чьё об них не заболит? –
Лисица птицам говорит,
На камушке против гнезда сироток сидя. –
Не киньте, милые, без помощи детей;
Хотя по зёрнышку бедняжкам вы снесите,
Хоть по соломинке к их гнёздышку приткните:
Вы этим жизнь их сохраните;
Что́ дела доброго святей!
Кукушка, посмотри, ведь ты и так линяешь:

Не лучше ль дать себя немножко ощипать
И перьем бы твоим постельку их устлать,
Ведь попусту ж его ты растеряешь.
Ты, жавронок, чем по верхам
Тебе кувыраться, кружиться,
Ты б корму искал по нивам, по лугам,
Чтоб с сиротами поделиться.
Ты, горлинка, твои птенцы уж подросли,
Промыслить корм они и сами бы могли:
Так ты бы с своего гнезда слетела
Да вместо матери к малюткам села,
А деток бы твоих пусть бог
Берёг.
Ты б, ласточка, ловила мошек,
Полакомить безродных крошек.
А ты бы, милый соловей, –
Ты знаешь, как всех голос твой прельщает, –
Меж тем, пока зефир их с гнёздышком качает,
Ты б убаюкивал их песенкой своей.
Такою нежностью, я твёрдо верю,
Вы б заменили им их горькую потерю.
Послушайте меня: докажем, что в лесах
Есть добрые сердца, и что...» При сих словах
Малютки бедные все трое,
Не могли с голоду сидеть в покое,
Попадали к Лисе на низ.
Что ж кумушка? – Тотчас их съела
И поученья не допела.

Читатель, не дивись!

Кто добр поистине, не распложая слова,
В молчанье тот добро творит;

А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,
Тот часто только добр на счёт другого,
Затем, что в этом нет убытка никакого.
На деле же почти такие люди все —
Сродни моей Лисе.

Мирская сходка

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бесовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у льва просился волк.
Стараньем кумушки-лисицы
Словцо о ком замолвлено у лвицы.
Но так как о волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит лев на лица,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин чином собраны:
Но против волка нет ни слова,
И волка велено в овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? —

Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
«Я три тарелки съел». – «И, полно, что за счёты;
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что́ за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же ещё тарелку он берёт:
Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»

Тут бедный Фока мой
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? –
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, –
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!»
«Не радуйся, мой свет, –
Ей Крыса говорит в ответ, –
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,

То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Водолазы

Какой-то древний царь впал в страшное сомнение:
Не более ль вреда, чем пользы, от наук?
Не расслабляет ли сердец и рук
Ученье?
И не разумнее ль поступит он,
Когда учёных всех из царства вышлет вон?

Но так как этот царь, свой украшая трон,
Душою всей радел своих народов счастьем
И для того
Не делал ничего
По прихоти иль по пристрастью, —
То приказал собрать совет,
В котором всякий бы, хоть слогом не кудрявым,
Но с толком лишь согласно здравым
Свое представил: да иль нет,
То есть учёным вон из царства убираться
Или по-прежнему в том царстве оставаться?
Однако ж как совет ни толковал:
Кто сам свой голос подавал,
Кто голос подавал работы секретарской,
Всяк только дело затемнял
И в нерешимости запутывал ум царской.
Кто говорил, что неученье тьма, —
Что не дал бы нам бог ума,
Ни дара постигать вещей небесных,
Когда бы он хотел,
Чтоб человек не боле разумел
Животных бессловесных,
И что, согласно с целью сей,
Ученье к счастью ведёт людей.
Другие утверждали,
Что люди от наук лишь только хуже стали: —
Что всё ученье бред,
Что от него лишь нравам вред
И что, за просвещеньем вслед,
Сильнейшие на свете царства пали.
Короче: с обеих сторон,
И дело выводя и вздоры,

Бумаги исписали горы,
А о науках спор остался не решён;
Царь сделал более. Созвав отсюда он
Разумников, из них установил собрание
И о науках спор им предложил на суд.
Но способ был и этот худ,
Затем что царь им дал большое содержание:
Так в голосах между собой разлад
Для них был настоящий клад;
И если бы им волю дали,
Они б доныне толковали
Да жалованье брали.
Но так как царь казною не шутил,
То он, приметя то, их скоро распустил.
Меж тем час от часу впадал в сомнение боле.
Вот как-то вышел он, сей мыслью занят, в поле
И видит пред собой
Пустынника, с седою бородой
И с книгою в руках большой.
Пустынник важный взор имел, но не угрюмый;
Приветливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челе следы глубокой видны думы.
Монарх с пустынником вступает в разговор
И, видя в нём познания несчетны,
Он просит мудреца решить тот важный спор:
Науки более ль полезны или вредны?
«Царь! – старец отвечал, – позволь, чтоб пред тобой
Открыл я притчею простой,
Чтоб размышленья мне внушили многодетны».
И с мыслями собравшись, начал так:
«На берегу, близ моря,

Жил в Индии рыбак;
Проведши долгий век и бедности и горя,
Он умер и троих оставил сыновей.
Но дети, видя,
Что с нуждою они кормились от сетей,
И ремесло отцовско ненавидя
Брать дань богатею задумали с морей,
Не рыбой, – жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однако ж был успех различен всех троих:
Один, ленивее других,
Всегда по берегу скитался;
Он даже не хотел ни ног мочить своих
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросит к нему волной,
А с леностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудов нисколько не жалея
И выбирать умея
Себе по силе глубину,
Богатых жемчугов нырял искать по дну
И жил, всечасно богатея.
Но третий, алчностью к сокровищам томим,
Так рассуждал с собой самим:
„Хоть жемчуг находить близ берега и можно,
Но, кажется, каких сокровищ ждать не должно,
Когда бы удалось мне
Достать морское дно на самой глубине?
Там горы, может быть богатств несчетных:

Кораллов, жемчугу и камней самоцветных,
Которы стоит лишь достать
И взять“.

Сей мыслию пленясь безумец вскоре
В открытое пустился море
И, выбрав, где была чернее глубина,
В пучину кинулся; но поглощённый ею,
За дерзость, не доставши дна,
Он жизнью заплатил своею».

«О, царь! – примолвил тут мудрец. –
Хотя в ученье зрим мы многих благ причину,
Но дерзкий ум находит в нём пучину
И свой погибельный конец,
Лишь с разницею тою,
Что часто в гибель он других влечёт с собою».

Госпожа и две Служанки

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзливой,
Две были девушки, Служанки, коих часть
Была с утра и до глубокой ночи,
Рук не покладывая, прясть.

Не стало бедным девкам мочи:
Им будни, праздник – всё равно;
Нет угомона на старуху:
Днём перевести она не даст за пряжей духу;
Зарёй, где спят ещё, а уж у них давно

Пошло плясать веретено.
Быть может, иногда б старуха опоздала,
Да в доме том проклятый был петух:
Лишь он вспоет – старуха встала,
Накинет на себя шубейку и треух,
У печки огонёк вздувает,
Бредёт, ворча, к прядильницам в покой,
Расталкивает их костлявою рукой,
А запрямятся – клюкой
И сладкий на заре их сон перерывает.
Что будешь делать с ней?
Бедняжки морщатся, зевают, жмутся
И с тёплой постелею своей,
Хотя не хочется, а расстаются;
Назавтрее опять, лишь прокричит петух,
У девушек с хозяйкой сказка та же:
Их будят и морят на пряже.
Добро же ты, нечистый дух! –
Сквозь зубы пряжи те на петуха ворчали. –
Без песен бы твоих мы, верно, боле спали;
Уж над тобою быть греху!
И, выбравши случай, без сожаленья,
Свернули девушки головку петуху.
Но что ж? Они себе тем ждали облегченья;
Ан в деле вышел оборот
Совсем не тот:
То правда, что петух уж боле не поёт –
Злодея их не стало;
Да Барыня, боясь, чтоб время не пропало,
Чуть лягут, не даёт почти свести им глаз
И рано так будить их стала всякий раз,
Как рано петухи и сроду не певали.

Тут поздно девушки узнали,
Что из огня они да в полымя попали.

Так, выбраться желая из хлопот,
Нередко человек имеет участь ту же:
Одни лишь только с рук сживёт,
Глядишь – другие нажил хуже!

Камень и Червяк

«Как расшумелся здесь! Какой невежа! –
Про дождик говорит на ниве Камень, лежа. –
А рады все ему, пожалуй – посмотри!
И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?
Всего-то шёл часа два-три.
Пускай же обо мне расспросят!
Так я уж веки здесь: тих, скромненько всегда.
Лежу смиренненько, куда меня ни бросят,
А не слышал себе спасибо никогда.
Недаром, право, свет поносят:
В нём справедливости не вижу я никак».
«Молчи! – сказал ему Червяк. –
Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишённую засухой сил
Обильно ниву напоил,
И земледельца он надежду оживил;
А ты на ниве сей пустое только бремя».

Так хвалится иной, что служит сорок лет:
А проку в нём, как в этом Камне, нет.

Медведь у Пчёл

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями,
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
Затем что к мёду Мишка падок,
Так не было б оглядок;
Да, спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мёд в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но мёду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведёт:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу тёплую забрался,

И лапу с мёдом там сосёт
Да у моря погоды ждёт.

Зеркало и Обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» –
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он укрادкою кивает на Петра.

Комар и Пастух

Пастух под тенью спал, надеясь на псов,
Приметя то, змея из-под кустов
Ползёт к нему, вон высунувши жало;
И Пастуха на свете бы не стало,
Но, сжаляся над ним, Комар, что было сил,
Сонливца укусил.
Проснувшись, Пастух змею убил;
Но прежде Комара спросонья так хватил,
Что бедного его как не бывало.

Таких примеров есть немало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добром,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же с ним случится,
Что с Комаром.

Крестьянин и Смерть

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.

Нёс, нёс он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюсь во всём; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денёк?»
В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовёт он Смерть: она у нас не за горами,
А за плечами.
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши её свирепую осанку,
Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать ещё тошней.

Рыцарь

Какой-то Рыцарь в старину,
Задумавши искать великих приключений,

Собрался на войну
Противу колдунов и против привидений;
Вздел латы и велел к крыльцу подвести коня.
Но прежде, нежели в седло садиться,
Он долгом счёл к коню с сей речью обратиться:
«Послушай, ретивой и верный конь, меня:
Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,
Куда глаза твои глядят,
Как рыцарски законы нам велят,
И путь отыскивай в храм славы!
Когда ж Карачунóв я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду
И царства два-три покорю, —
Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду;
С тобой всю славу разделю:
Конюшню, как дворец огромный,
Построить для тебя велю,
А летом отведу луга тебе поёмны.
Теперь знаком ты мало и с овсом,
Тогда ж пойдёт у нас обилие во всём:
Ячмень твой будет корм, сыта медова — пойло».
Тут Рыцарь прыг в седло и бросил поводя,
А лошадь молодца, не езя ни куда,
Прямёхонько примчала в стойло.

Тень и Человек

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:

Он к ней, она вперёд; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать.
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Всё не даваясь, будто клад.
Вот мой чудака пустился вдруг назад;
Оглянется, а тень за ним уж гнаться стала.

Красавицы! слышал я много раз:
Вы думаете что? Нет, право, не про вас,
А что бывает то ж с фортуною у нас;
Иной лишь труд и время губит,
Стараясь настичь её из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней:
Так нет, за тем она сама гоняться любит.

-

Крестьянин и Топор

Мужик, избу рубя, на свой Топор озлился;
Пошёл Топор в худых; Мужик: взбесился:
Он сам нарубит вздор,
А виноват во всём Топор.
Бранить его, хоть как, Мужик найдёт причину
«Негодный! – он кричит однажды, – с этих пор
Ты будешь у меня обтёсывать тычину,
А я, с моим умением и трудом,
Притом с досужестью моею,
Знай, без тебя пробавиться умею
И сделаю простым ножом,

Чего другой не срубит топором».

«Рубить, что мне велишь, моя такая доля, —

Смиренно отвечал Топор на окрик злой. —

И так, хозяин мой,

Твоя святая воля,

Готов тебе я всячески служить;

Да только ты смотри, чтоб после не тужить:

Меня ты попусту иступишь,

А всё ножом избы не срубишь».

Лев и Волк

Лев убирал за завтраком ягнёнка;

А собачонка,

Вертясь вокруг царского стола,

У Льва из-под когтей кусочек урвала;

И Царь зверей то снёс, не огорчась нимало:

Она глупа ещё и молода была.

Увидя то, на мысли Волку вспало,

Что Лев, конечно, не силен,

Коль так смирён:

И лапу протянул к ягнёнку также он.

Ан вышло с Волком худо:

Он сам ко Льву попал на блюдо.

Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,

Напрасно, смóтря на собачку,

Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:

Она ещё глупа, а ты уж не щенок!»

Собака, Человек, Кошка и Сокол

Собака, Человек, да Кошка, да Сокол
Друг другу поклялись однажды в дружбе вечной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У них был общий дом, едва ль не общий стол;
Клялись делить они и радость и заботу,
Друг другу помогать,
Друг за друга стоять.
И, если надо, друг за друга умирать.
Вот как-то вместе все, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко от дому отбились,
Умаялись, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тут задремали все, кто лёжа, кто и сидя,
Как вдруг из лесу шашь
На них медведь разинув пасть.
Беду такую видя,
Сокóл на воздух, Кошка в лес,
И Человек тут с жизнью бы простился;
Но верный Пес
Со зверем злым барахтаться схватился,
В него вцепился.
И, как медведь его жестоко ни ломал,
Как ни ревел от боли и от злости,
Пёс, прохвата его до кости,

Повис на нём и зуб не разжимал,
Доколе с жизнью всех сил не потерял.
А Человек? К стыду, из нас не всякой
Сравнится в верности с собакой!
Пока медведь был занят дракой,
Он, подхватя ружьё своё с собой,
Пустился без души домой.

На языке легка и ласка и услуга;
Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.
Как редки таковы друзья!
И то сказать, как часто видел я,
Что так, как в басне сей был верный Пёс оставлен,
Так тот,
Кто из хлопот
Был другом выручен, избавлен,
Его же покидал в беде,
Его же и ругал везде.

Подагра и Паук

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и как и почему;
Притом же, кажется, ему,
Зажмурясь, в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,

Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети – бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите
Вы детушки, на свет и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь,
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же: отселе наперёд,
Кто что из вас в удел себе возьмёт –
Вон, видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижины убоги?
В одних простор, довольство, красота;
В других и теснота,
И труд, и нищета».
«Мне хижин ни за что́ не надо», –
Сказал Паук. «А мне не надобно палат, –
Подагра говорит. – Пусть в них живёт мой брат.
В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
Гонять из каждого богатого двора».
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились в мире.
В великолепнейшей квартире
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцвечённым
И по карнизам золочёным
Он паутину разостлал
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к ráссвету едва с работою убрался,

Пришёл и щёткою всё смёл слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался,
Оттоле Паука метлой.
Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щётка, иль крыло везде его достанет
И всю работу изорвёт,
А с нею и его частёхонько сметёт.
Паук в отчаянье, и за город идёт
Увидеться с сестрицей.
«Чай, в сёлах, – говорит, – живёт она царицей».
Пришёл – а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит.
Примета у простых людей,
Что чем подагру мучишь боле,
Тем ты скорей
Избавишься от ней.
«Нет, братец, – говорит она, – не жизнь мне в поле!»
А брат
Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
И, не боясь ни щётки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
Подагра же – тотчас в дорогу,
Простилася с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села в ногу.
Подагре рай! Пошло житьё у старика:
Не сходит с ним она долой с пуховика.

С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
Всяк при своём у них остался,
Доволен участью равно:
Паук по хижинам пустился неопрятным,
Подагра же пошла по богачам и знатным;
И – оба делают умно.

Лев и Лисица

Лиса, не видя сроду Льва,
С ним встретясь, со страстей осталась чуть жива.
Вот, несколько спустя, опять ей Лев попался,
Но уж не так ей страшен показался.
А третий раз потом
Лиса и в разговор пустилася со Львом.
Иного так же мы боимся,
Поколь к нему не приглядимся.

-

Хмель

Хмель выбежал на огороде
И вокруг сухой тычинки виться стал;
А в поле близко дуб молоденький стоял.
«Что́ в этом пользы есть уроде,

Да и во всей его природе? –
Так про дубок тычинке Хмель жужжал. –
Ну, как его сравнить с тобою?
Ты барыня пред ним одной лишь прямизною.
Хоть листьем, правда, он одет,
Да что за жёсткость, что за цвет!
За что его земля питает?»
Меж тем, едва неделя протекает,
Хозяин на дрова тычинку ту сломил,
А в огород дубок пересадил.
И труд ему с большим успехом удаётся:
Дубок и принялся и отпрыски пустил:
Посмотришь, около него мой Хмель уж вьётся,
И дубу от него вся честь и похвала!

Такие ж у льстеца поступки и дела:
Он на тебя несёт тьму небылиц и бредней;
И как ты хочешь, так трудись,
Но у него в хороших быть не льстись;
А только в случай попадись –
Он первый явится в передней.

Слон в случае

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минуту по лесам прошла о том молва,
И там, как водится, пошли догадки,
Чем в милость втёрся Слон?

Не то красив, не то забавен он;
Что за приём, что за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы, – говорит, вертя хвостом, Лисица, –
Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы». – «Или, сестрица, –
Сказал Медведь, – хотя бы по когтям
Он сделался случайным,
Никто того не счёл бы чрезвычайным:
Да он и без когтей, то всем известно нам,
Да не вошёл ли он в случай клыками?»
Вступился в речь их Вол:
«Уж не сочли ли их рогами?»
«Так вы не знаете, – сказал Осёл,
Ушами хлопая, – чем мог он полюбиться
И в знать добиться?
А я так отгадал –
Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
Себя в других охотно величаем.

Туча

Над изнурённою от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею её не освежа одною,
Она большим дождём над морем пролилась

И щедростью своей хвалилась пред Горою,
«Что сделала добра
Ты щедростью такую? –
Сказала ей Гора. –
И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

Клеветник и Змея

Напрасно про бесов болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то, в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,
Кому из них идти приличней наперёд?
А в аде первенство, известно, тот берёт,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сём и жарком и немало
Перед Змеёю Клеветник
Свой выставлял язык,
А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.

Вот Клеветник было за ней уж очутился;
Но Вельзевул не потерпел того:
Он сам, спасибо, за него
Вступился
И осадил назад Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю;
Ты зла – твоё смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь без вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты так издалика,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперёд смирней».
С тех пор клеветники в аду почётней змей.

Фортуна и Нищий

С истёртою и ветхою сумой
Бедняжка-нищенький под окошком таскался
И, жалуюсь на жребий свой,
Нередко удивлялся,
Что люди, живучи в богатых термах,
По горло в золоте, в довольстве и сластях,
Как их карманы ни набиты,
Ещё не сыты!

И даже до того,
Что, без пути алкая
И нового богатства добывая,
Лишаются нередко своего
Всего.
Вон бывший, например, того хозяин дому
Пошёл счастливо торговать;
Расторговался в пух. Тут, чем бы перестать
И достальной свой век спокойно доживать,
А промысел оставить свой другому, –
Он в море корабли отправил по весне;
Ждал горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его все море поглотило;
Теперь они на дне,
И видел он себя богатым, как во сне.
Другой, тот в откупа пустился
И нажил было миллион,
Да мало: захотел его удвоить он,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи таких примеров есть;
И поделом: знай честь!
Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
И говорит ему:
«Послушай, я помочь давно тебе желала;
Червонцев кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Её насыплю я, да только с уговором:
Всё будет золото, в суму что попадёт,
Но если из суммы что на пол упадёт,
То сделается сором.
Смотри ж, я наперёд тебя остерегла:
Мне велено хранить условие наше строго,

Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтоб вынести она могла».
Едва от радости мой Нищий дышит
И под собой земли не слышит!
Расправил свой кошель, и щедрою рукой
Тут полился в него червонцев дождь златой:
Сума становится уж тяжёленька.
«Довольно ль?» – «Нет ещё». – «Не треснула б».
«Не бойсь».
«Смотри, ты Крезом стал». – «Ещё, ещё маленько:
Хоть горсточку прибрось».
«Эй, полно! Посмотри, сума ползёт уж врозь».
«Ещё щепоточку». Но тут кошель прорвался,
Рассыпалась казна и обратилась в прах,
Фортуна скрылась: одна сума в глазах,
И Нищий нищенским по-прежнему остался.

Лягушка и Юпитер

Живущая в болоте под горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла там тинистый в лощинке уголок
И завела домок
Под кустиком, в тени, меж травки, как раёк:
Однако ж им она не долго веселилась.
Настало лето, с ним жары,
И дачи Квакушки так сделались сухи,

Что, ног не замоча, по ним бродили мухи.
«О боги! – молится Лягушка из норы, –
Меня вы, бедную, не погубите
И землю вровень хоть с горою затопите,
Чтобы в моих поместьях никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопит без умолку
И, наконец, Юпитера бранит,
Что нету в нём ни жалости, ни толку.
«Безумная! – Юпитер говорит
(Знать, не был он тогда сердит), –
Как квакать попусту тебе охота!
И чем мне для твоих затей
Перетопить людей,
Не лучше ль вниз тебе стащить до болот».

На свете много мы таких людей найдём,
Которым всё, кроме себя, постыло,
И кои думают, лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнём.

-

Лиса-строитель

Какой-то Лев большой охотник был до кур;
Однако ж у него они водились худо:
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен чересчур.
Так их то крали,

То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал Лев большой курятный двор
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нём довольство и простор.
Вот Льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица.
И дело ей поручено,
С успехом начато и кончено оно;
Лисой к нему приложено
Всё: и старанье и умение.
Смотрели, видели; строенье – загляденье!
А сверх того, всё есть, чего ни спросишь тут:
Корм под носом, везде натыкано насесток,
От холоду и жару есть приют,
И укромные местечки для наседок.
Вся слава Лисаньке и честь!
Богатое дано ей награждение
И тотчас повеленье:
На новоселье кур немедля перевести.
Но есть ли польза в перемене?
Нет, кажется, и крепок двор,
И плотен и высок забор –
А кур час от часу всё мене.
Отколь беда, придумать не могли.
Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
Тое ж Лису-злодейку.
Хоть правда, что она свела строенье так,
Чтобы не ворвался в него никто, никак,
Да только для себя оставила лазейку.

Напраслина

Как часто что-нибудь мы сделавши худого,
Кладём вину в том на другого,
И как нередко говорят:
«Когда б не он, и в ум бы мне не впало!»
А ежели людей не стало,
Так уж лукавый виноват,
Хоть тут его совсем и не бывало.
Примеров тьма тому. Вот вам из них один.
В Восточной стороне какой-то был Брамин,
Хоть на словах и тёплой веры,
Но не таков своим житьём
(Есть и в Браминах лицемеры);
Да это в сторону, а дело только в том,
Что в братстве он своём
Один был правила такого,
Другие ж все житья святого,
И, что всего ему тошней,
Начальник их был нраву прекрутого:
Так преступить никак устава ты не смей.
Однако ж мой Брамин не унывает.
Вот постный день, а он смекает,
Нельзя ли разрешить на сырное тайком?
Достал яйцо, полуночи дождался
И, свечку вздувши с огоньком,
На свечке печь яйцо принялся;
Ворочает его легонько у огня,

Не сводит глаз долой и мысленно глотает,
А про начальника, смеясь, рассуждает:
«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой приятель!
Яичко съем-таки я всласть».
Ан тут тихонько шасть
К Бармину в келью надзиратель
И, видя грех такой,
Ответу требует он грозно.
Улика налицо и запирается поздно!
«Прости, отец святой,
Прости моё ты прегрешенье! –
Так взмолится Брамин сквозь слез. –
И сам не знаю я, как впал во искушенье;
Ах, наустил меня проклятый бес!»
А тут бесёнок из-за печки:
«Не стыдно ли, – кричит, – всегда клепать на нас!
Я сам лишь у тебя учился сей же час
И, право, вижу в первый раз,
Как яйца пекут на свечке».

Фортуна в гостях

На укоризну мы Фортуне тороваты:
Кто не в чинах, кто не богат,
За всё, про всё её бранят,
А поглядишь, так сами виноваты.
Слепое счастье, шатаясь меж людей,

Не вечно у вельмож гостит и у царей,
Оно и в хижине твоей,
Быть может, погостить когда-нибудь пристанет:
Лишь время не терять умей,
Когда оно к тебе заглянет;
Минута с ним одна, кто ею дорожит,
Терпенья годы наградит.
Когда ж ты не умел при счастье поживиться,
То не Фортуне ты, себе за то пеняй
И знай,
Что, может, век она к тебе не возвратится.

Домишко старенький край города стоял;
Три брата жили в нём и не могли разжиться:
Ни в чём им как-то не спорится.
Кто что из них ни затевал,
Всё остаётся без успеха,
Везде потеря иль помеха;
По их словам, вина Фортуны в том была.
Вот невидимкой к ним Фортуна забрела
И, тронувшись их бедностью большою,
Им помогать решила всей душою,
Какие бы они ни начали дела,
И прогостить у них всё лето.
Всё лето: шутка ль это!
Пошли у бедняков дела другой статьёй.
Один из них хоть был торгаш плохой,
А тут, что ни продаст, ни купит,
Барыш на всём большой он слупит;
Забыл совсем, что есть наклад,
И скоро стал, как Крез, богат.
Другой в Приказ пошёл: иною бы порою

Завяз он в писарях с своею головою;
Теперь ему со всех сторон
Удача:
Что даст обед, что сходит на поклон, —
Иль чин, иль место схватит он;
Посмотришь, у него деревня, дом и дача.
Теперь вы спросите: что ж третий получил?
Ведь, верно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: с ним она почти не отдыхала.
Но третий брат всё лето мух ловил,
И так счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде он бывал ли в том горазд:
А тут труды его не втуне.
Как ни взмахнёт рукой, благодаря Фортуне
Ни разу промаху не даст.
Вот гостя между тем у братьев нагостилась
И дале в путь пустилась.
Два брата в барышах: один из них богат,
Другой ещё притом в чинах; а третий брат
Клянёт судьбу, что он Фортуной злою
Оставлен лишь с сумою.

Читатель, будь ты сам судьёю,
Кто ж в этом виноват?

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнёхонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

Кукушка и Горлинка

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты так грустна? —
Ей с ветки ласково Голубка ворковала. —
Или о том, что миновала
У нас весна
И с ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что к зиме мы стали ближе?»
«Как, бедной, мне не горевать? —
Кукушка говорит. — Будь ты сама судьёю:
Любила счастливо я нынешней весною,
И, наконец, я стала мать;
Но дети, не хотят совсем меня и знать:
Такой ли чаяла от них я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Как увиваются вокруг матери утяты,
Как сыплют к курице дождём по зву цыпляты,

А я, как сирота, одним-одна сижу,
И что есть детская приветливость – не знаю».
«Бедняжка! о тебе сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь детей могла убить,
Хотя пример такой не редок;
Скажи ж, так стало, ты уж вывела и деток?
Когда же ты гнездо успела свить?
Я этого и не видала:
Ты всё порхала да летала».
«Вот вздор, чтоб столько красных дней
В гнезде я, сидя, растеряла:
Уж это было бы всего глупей!
Я яйца всегда в чужие гнезды клала».
«Какой же хочешь ты и ласки от детей?» –
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вам басни сей урок.
Я рассказал её не детям в извиненье:
К родителям в них непочтенье
И нелюбовь – всегда порок;
Но если выросли они в разлуке с вами
И вы их вверили наёмничьим рукам,
Не вы ли виноваты сами,
Что в старости от них утехи мало вам?

Гребень

Дитяти маменька расчёсывать головку

Купила частый Гребешок.
Не выпускает вон дитя из рук обновку:
Играет иль твердит из азбуки урок;
Свои всё кудри золотые,
Волнистые, барашком завитые
И мягкие, как тонкий лён,
Любуясь, Гребешком расчёсывает он.
И что за Гребешок? Не только не теребит,
Нигде он даже не зацепит:
Так плавлен, гладок в волосах.
Нет Гребню и цены у мальчика в глазах.
Случись, однако же, что Гребень затерялся.
Зарезвился мой мальчик, заигрался,
Всклокотил волосы копной.
Лишь няня к волосам, дитя подымет вой:
«Где Гребень мой?»
И Гребень отыскался,
Да только в голове ни взад он, ни вперёд:
Лишь волосы до слёз дерёт.
«Какой ты злой, Гребнишка!» —
Кричит мальчишка.
А Гребень говорит: «Мой друг, всё тот же я;
Да голова всклокочена твоя».
Однако ж мальчик мой, от злости и досады,
Закинул Гребень свой в реку:
Теперь им чешутся Наяды.

Видал я на своём веку,
Что так же с правдой поступают.
Поколе совесть в нас чиста,
То правда нам мила и правда нам свята,
Её и слушают и принимают:

Но только стал кривить душой,
То правду дале от ушей.
И всякий, как дитя, чесать волос не хочет,
Когда их склочет.

-

Скупой и Курица

Скупой теряет всё, желая всё достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен;
Да рыться лень: так я намерен
Вам басню старую сказать.

Вот что в ребячестве читал я про Скупого,
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яйца несла,
Но не простые,
А золотые.
Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало,
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв её к себе благодаянье,
Неблагодарности не побоясь греха,

Её зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из неё простые потроха.

-

Две бочки

Две бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая – себе без шуму и шажком
Плетётся,
Другая вскачь несётся;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жмётся,
Её слышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто делов истинно, тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шуму.

Алкид

Алкид, Алкмены сын,
Столь славный мужеством и силою чудесной,
Однажды проходя меж скал и меж стремнин
Опасною стезёй и тесной,
Увидел на пути свернувшись, будто ёж
Лежит, чуть видное, не знает, что такое.
Он раздавить его хотел пятой. И что ж?
Оно раздулося и стало боле вдвое.
От гневу вспыхнув, тут Алкид
Тяжёлой палицей своей его разит.
Глядит –
Оно страшней становится лишь с виду:
Толстеет, бухнет и растёт,
Заставляет солнца свет
И заслоняет путь собою весь Алкиду.
Он бросил палицу и перед чудом сим
Стал в удивленье недвижим.
Тогда ему Афина вдруг предстала.
«Оставь напрасный – труд, мой брат! – она сказала. –
Чудовищу сему название Раздор
Не тронута, – его едва приметит взор;
Но если с ним кто вздумает сразиться, –
Оно от браней лишь тучнее становится
И вырастает выше гор».

-

Апеллес и Ослёнок

Кто самолюбием чрез меру поражён,
Тот мил себе и в том, чем он другим смешон;
И часто тем ему случается хвалиться,
Чего бы должен он стыдиться.

С Ослёнком встреться, Апеллес
Зовёт к себе Ослёнка в гости;
В Ослёнке заиграли кости!
Ослёнок хвастовством весь душит лес
И говорит зверям: «Как Апеллес мне скучен,
Я им размучен:
Ну, всё зовёт к себе, где с ним ни встречусь я.
Мне кажется, мои друзья,
Намерен он с меня писать Пегаса».
«Нет, – Апеллес сказал, случая близко тут, –
Намеряся писать Мидасов суд,
Хотел с тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мне, я буду рад.
Ослиных мне ушей и много хоть встречалось,
Но этаких, какими ты богат,
Не только у ослят,
Ни даже у ослов мне видеть не случалось».

Охотник

Как часто говорят в делах: ещё успею,

Но надобно признаться в том,
Что это говорят, спросяся не с умом,
А с леностью своею.
Итак, коль дело есть, скорей его кончай,
Иль после на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанет невзначай.
На это басню вам скажу я, как умею.

Охотник, взяв ружьё, патронницу, суму
И друга верного по нраву и обычью,
Гектора, – в лес пошёл за дичью,
Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
Чтоб зарядил ружьё он дома.
«Вот вздор! – он говорит, – дорога мне знакома,
На ней ни воробья не видел я родясь;
До места ж ходу целый час,
Так зарядить ещё успею я сто раз».
Но что ж? Лишь вон из жила
(Как будто бы над ним Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляют утки целым стадом;
И нашему б тогда Стрелку
Легко с полдюжины одним зарядом
Убить
И на неделю с хлебом быть,
Когда б не отложил ружья он зарядить.
Теперь к заряду он скорее; только утки
На это чутки:
Пока с ружьём возился он,
Они вскричали, встрепенулись,
Взвились и – за леса верёвкой потянулись,
А там из виду скрылись вон.

Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тут к беде ещё беда;
Случись тогда
Ненастье.
И так Охотник мой,
Измокши весь, пришёл домой
С пустой сумой;
А всё-таки пенял не на себя, на счастье.

-

Мальчик и Змея

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, воззрившись, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря:
«Послушай, – говорит, – коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдёт.
На сей раз бог простит; но берегись вперёд
И знай, с кем шутишь!»

-

Пловец и Море

На берег выброшен кипящею волной,

Пловец с усталости в сон крепкий погрузился;
Потом, проснувшись, он Море клясть пустился.
«Ты, – говорит, – всему виной!
Своей лукавой тишиной
Маня к себе, ты нас прельщаешь
И, заманя, нас в безднах поглощаешь».
Тут Море, на себя взяв Амфитриды вид,
Пловцу являясь, говорит:
«На что винишь меня напрасно!
Плыть по водам моим ни страшно, ни опасно;
Когда ж свирепствуют морские глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мне не дают покою.
Когда не веришь мне, то испытай собою:
Как ветры будут спать, отправь ты корабли.
Я неподвижнее тогда земли».

И я скажу – совет хорош, не ложно;
Да плыть на парусах без ветру невозможно.

-

Осёл и Мужик

Мужик на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьёв гонять нахальный род.
Осёл был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком,
Не поживился он хозяйским ни листком

И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужiku барыш был с огорода плох.
Осёл, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперёк
Такую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо! – все кричат, – скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчёт),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

-

Волк и Журавль

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда!
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный, –
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унёс!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

Пчела и Мухи

Две Мухи собрались лететь в чужие краи
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насажали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудачки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянные колпаки;
А в хижинах на них злодеи-пауки.

«Путь добрый вам, – Пчела на это отвечала, –
А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала –
От поселян и до вельмож.
Но вы летите.
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишён,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

Муравей

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,

Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошёл в такую славу
Он в муравейнике своём,
Что только и речей там было, что о нём.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил:
А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво вполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей, то взяв листок, потянет,
То припадёт он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши, наконец, тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает
Как ни тянусь я целый час;

А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит.
А он – дивит
Свой только муравейник.

Пастух и Море

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей.
Но, видя всякий раз, как с Моря
Сокровища несут горами корабли,
Как выгружаются богатые товары
И ломаются от них анбары,
И как хозяева их в пышности цвели,
Пастух на то прельстился;
Распродав стадо, дом, товаров накупил,
Сел на корабль – и за Море пустился.
Однако же поход его не долог был;
Обманчивость, Морям природну,
Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,

Как буря поднялась;
Корабль разбит, пошли товары ко дну,
И он насилу спасся сам.
Теперь опять благодаря Морям
Пошёл он в пастухи, лишь с разницею тою,
Что прежде пас овец своих,
Теперь пасёт овец чужих
Из платы. С нуждою, однако ж, хоть большою,
Чего не сделаешь терпением и трудом?
Не спив того, не съев другова,
Скопил деньжонок он, завёлся стадом снова
И стал опять своих овечек пастухом.
Вот некогда, на берегу морском,
При стаде он своём
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колыхнется вода
(Так Море присмирело)
И плавно с пристани бегут по ней суда:
«Мой друг! – сказал, – опять ты денег захотело,
Но ежели моих – пустое дело!
Ищи кого иного ты проведешь,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперёд копейки не достанешь».

Баснь эту лишним я почёл бы толковать;
Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдётся тысячу несчастных от неё
На одного, кто не был ей обманут,

А мне, что говорить ни станут,
Я буду всё твердить своё:
Что впереди – бог весть; а что моё – моё!

-

Крестьянин и Змея

К Крестьянину вползла Змея
И говорит: «Сосед! начнём жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я
И кожу нынешней весной переменила».
Однаке ж Мужика Змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя всё то же».
И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину,
Как хочешь, ты меняй личину:
Себя под нею не спасёшь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.

Лисица и Виноград

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные, как яхонты торят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».

Овцы и Собаки

В каком-то стаде у Овец,
Чтоб Волки не могли их более тревожить,
Положено число Собак умножить.
Что ж? Развелось их столько, наконец,
Что Овцы от Волков, то правда, уцелели,
Но и Собакам надо ж есть.
Сперва с Овечек сняли шерсть,
А там, по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталось всего Овец пять-шесть,
И тех Собаки съели.

-

Медведь в сетях

Медведь

Попался в сеть.

Над смертью издали шути как хочешь смело:

Но смерть вблизи – совсем другое дело.

Не хочется Медведю умереть.

Не отказался бы мой Мишка и от драки,

Да весь опутан сетью он,

А на него со всех сторон

Рогатины, и ружья, и собаки:

Так драка не по нём.

Вот хочет Мишка взять умом

И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною

Я проступился пред тобою?

За что моей ты хочешь головы?

Иль веришь клеветам напрасным на медведей

Что злы они? Ах, мы совсем не таковы!

Я, например, пошлюсь на всех соседей,

Что изо всех зверей мне только одному

Никто не сделает упрека,

Чтоб мёртвого я тронул человека».

«То правда, – отвечал на то ловец ему, –

Хвалю к усопшим я почтение такое;

Зато, где случай ты имел,

Живой уж от тебя не вырывался цел.

Так лучше бы ты мёртвых ел

И оставлял живых в покое».

-

Колос

На ниве, зыблемый погодой, Колосок,
Увидя за стеклом в теплице
И в неге, и в добре взлелеянный цветок,
Меж тем, как он и мошек веренице,
И бурям, и жарам, и холоду открыт,
Хозяину с досадой говорит:
«За что вы, люди, так всегда несправедливы,
Что кто умеет вас утешить вкус иль глаз,
Тому ни в чём отказа нет у вас,
А кто полезен вам, к тому вы нерадивы?
Не главный ли доход твой с нивы:
А посмотри, в какой небрежности она!
С тех пор, как бросил ты здесь в землю семена,
Укрыл ли под стеклом когда нас от ненастья?
Велел ли нас полоть иль согревать
И приходил ли нас в засуху поливать?
Нет: мы совсем расти оставлены на счастье,
Тогда как у тебя цветы,
Которыми ни сыт, ни богатеешь ты,
Не так, как мы, закинуты здесь в поле, —
За стёклами растут в приюте, в неге, в холе.
Что если бы о нас ты столько клал забот?
Ведь в будущий бы год
Ты собрал бы сам-сот,
И с хлебом караван отправил бы в столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире нам теплицу». —

«Мой друг, – хозяин отвечал, –
Я вижу, ты моих трудов не примечал.
Поверь, что главные мои о вас заботы.
Когда б ты знал, какой мне стоило работы
Расчистить лес, удобрить землю вам:
И не было конца моим трудам.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нет.
Дождя ж и ветру ты проси себе у неба;
А если б умный твой исполнил я совет,
То был бы без цветов и был бы я без хлеба».

* * *

Так часто добрый селянин,
Простой солдат иль гражданин,
Кой с кем своё сличая состоянье,
Приходят иногда в роптанье.
Им можно то ж почти сказать и в оправданье.

Мальчик и Червяк

Не льстись предательством ты счастье сыскать!
У самых тех всегда в глазах предатель низок,
Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;
И первый завсегда к беде предатель близок.

Крестьянина Червяк просил его пустить
В свой сад на лето погостить.
Он обещал вести себя там честно,

Не трогая плодов, листочки лишь глодать,
И то, которые уж станут увядать.
Крестьянин судит: «Как пристанища не дать?
Ужли от Червяка в саду мне будет тесно?
Пускай его себе живёт.
Притом же важного убытку быть не может,
Коль он листочка два-три сгложет».
Позволил: и Червяк на дерево ползёт;
Нашёл под веточкой приют от непогод:
Живёт без нужды, хоть не пышно,
И про него совсем не слышно.
Меж тем уж золотит плоды лучистый Царь,
Вот в самом том саду, где также спеть всё стало,
Наливное, сквозное, как янтарь,
При солнце яблоко на ветке созревало.
Мальчишка был давно тем яблоком пленён:
Из тысячи других его заметил он,
Да доступ к яблоку мудрён.
На яблоню Мальчишка лезть не смеет,
Её тряхнуть он силы не имеет
И, словом, яблоко достать не знает как.
Кто ж в краже Мальчику помочь взялся? Червяк.
«Послушай, – говорит, – я знаю это, точно
Хозяин яблоки велел снимать;
Так это яблоко обоим нам непрочное;
Однако ж я берусь его достать,
Лишь поделись со мной. Себе ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро боле;
А мне и самой малой доли
На целый станет век глодать».
Условье сделано: Мальчишка согласился;
Червяк на яблоню – и работать пустился;

Он яблоко в минуту подточил.
Но что ж в награду получил?
Лишь только яблоко упало,
И с семечками съел его Мальчишка мой;
А как за долей сполз Червяк долой,
То Мальчик Червяка расплющил под пятой:
И так ни Червяка, ни яблока не стало.

-

Похороны

В Египте в старину велось обыкновенье,
Когда кого хотят пышнее хоронить,
Наёмных плакальщиц пускать за гробом вить.
Вот некогда на знатном погребенье –
Толпа сих плакальщиц, поднявши вой,
Покойника от жизни скоротечной
В дом провожала вечной
На упокой.
Тут странник, думая, что в горести сердечной
То рвётся вся покойника родня,
«Скажите, – говорит, – не рады ли б вы были,
Когда б его вам воскресили?
Я Маг; на это есть возможность у меня:
Мы заклинания с собой такие носим –
Покойник оживёт сейчас». –
«Отец! – вскричали все, – обрадуй бедных нас!
Одной лишь милости притом мы просим,
Чтоб суток через пять

Он умер бы опять.
В живом в нём не было здесь проку никакова,
Да вряд ли будет и вперёд;
А как умрёт,
То выть по нём наймут нас, верно, снова»,
Есть много богачей, которых смерть одна
К чему-нибудь годна.

Трудолюбивый Медведь

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами,
Пошёл по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березняка и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не даётся ремесло.
Вот идёт к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чём есть тут главное уменье?»
«В том, — отвечал сосед, —
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

Сочинитель и Разбойник

В жилище мрачное теней
На суд предстали пред судьей
В один и тот же час: Грабитель
(Он по большим дорогам разбивал,
И в петлю, наконец, попал);
Другой был славою покрытый Сочинитель:
Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как Сирена, сладкогласен
И, как Сирена, был опасен.
В аду обряд судебный скор;
Нет проволочек бесполезных:
В минуту сделан приговор.
На страшных двух цепях железных
Повешены больших чугунных два котла:
В них виноватых рассадили,
Дров под Разбойника большой костёр взвалили;
Сама Мегера их зажгла
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться стал в сводах адских камень.
Суд к Сочинителю, казалось, был не строг;
Под ним сперва чуть тлелся огонёк;
Но там, чем далее, тем боле разгорался.
Вот веки протекли, огонь не унимался.
Уж под Разбойником давно костёр погас:
Под Сочинителем он злей с часú на час.

Не видя облегченья,
Писатель, наконец, кричит среди мученья,
Что справедливости в богах нимало нет;
Что славой он наполнил свет
И ежели писал немножко вольно,
То слишком уж за то наказан больно;
Что он не думал быть Разбойника грешней.
Тут перед ним, во всей красе своей,
С шипящими между волос змеями,
С кровавыми в руках бичами,
Из адских трёх сестёр явилась одна.
«Несчастный! – говорит она, –
Ты ль Провидению пеняешь?
И ты ль с Разбойником себя равняешь?
Перед твоей ничто его вина.
По люлости своей и злости,
Он вреден был,
Пока лишь жил;
А ты... уже твои давно истлели кости,
А солнце разу не взойдет,
Чтоб новых от тебя не осветило бед.
Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаясь, век от веку лютееет.
Смотри (тут свет ему узреть она дала),
Смотри на злые все дела
И на несчастия, которых ты виною!
Вон дети, стыд своих семей, –
Отчаянье отцов и матерей:
Кем ум и сердце в них отравлены? – тобою.
Кто, осмеяв, как детские мечты,
Супружество, начальства, власти,
Им причитал в вину людские все напасти

И связи общества рвался расторгнуть? – ты.
Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облёк
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до гибели доведена тобой!
В ней каждой капли слёз и крови – ты виной.
И смел ты на богов хулой вооружиться?
А сколько впредь ещё родится
От книг твоих на свете зол!
Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!» –
Сказала гневная Мегера
И крышкою захлопнула котёл.

Ягнёнок

Как часто я слыхал такое рассужденье:
«По мне пускай что хочешь говорят,
Лишь был бы я в душе не виноват!»
Нет; надобно ещё уменье,
Коль хочешь в людях ты себя не погубить
И доброю наружность сохранить.
Красавицы! вам знать всего нужнее,
Что слава добрая вам лучше всех прикрас
И что она у вас
Весеннего цветка нежнее.

Как часто и душа и совесть в вас чиста,
Но лишний взгляд, словцо, одна неосторожность
Язвить злословью вас даёт возможность –
И ваша слава уж не та.
Ужели не глядеть? Ужель не улыбаться:
Не то я говорю; но только всякий шаг
Вы свой должны обдумать так,
Чтоб было не к чему злословью и придраться.

Анюточка, мой друг!
Я для тебя и для твоих подруг
Придумал басенку. Пока ещё ребёнком,
Ты вытверди её; не ныне, так вперёд
С неё сберешь ты плод.
Послушай, что случилось с Ягнёнком.
Поставь свою ты куклу в уголок:
Рассказ мой будет короток.
Ягнёнок сдуру,
Надевши волчью шкуру,
Пошёл по стаду в ней гулять:
Ягнёнок лишь хотел пощеголять;
Но, псы, увидевши повесу,
Подумали, что волк пришёл из лесу,
Вскочили, кинулись к нему, свалили с ног
И, прежде нежели опомниться он мог,
Чуть по клочкам его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнав, его отбили,
Но побывать у псов не шутка на зубах:
Бедняжка от такой тревоги
Насилу доволол в овчарню ноги;
А там он стал хиреть, потом совсем зачах
И простонал весь век свой без умолка,

А если бы Ягнёнок был умён:

И мысли бы боялся он

Похожим быть на волка.

-

Совет Мышей

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить

И, несмотря на кошек и котов,

Свести с ума всех ключниц, поваров

И славу о своих делах трубить заставить

От погребов до чердаков;

А для того Совет назначено составить,

В котором заседать лишь тем, у коих хвост

Длиной во весь их рост:

Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,

Всегда умнее

И расторопнее везде.

Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;

Притом же об уме мы сами часто судим

По платью иль по бороде.

Лишь нужно знать, что с общего сужденья

Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;

У коих же хвоста, к несчастью, нет,

Хотя б лишились их они среди сраженья,

Но так как это знак иль неуменья,

Иль нераденья,

Таких в Совет не принимать.

Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Всё дело слажено; повешено собрание,
Как ночь настанет на дворе;
И, наконец, в мучном ларе
Открыто заседание.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
Мышонок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб её скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю губит».
А Мышь в ответ: «Молчи! всё знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

Мельник

У Мельника вода плотину прососала,
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день ото дня сильнее становится:
Вода так бьёт, как из ведра.

«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далеко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда, пришла совсем:
Стал жёрнов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные! – кричит, – хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли её здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хватъ.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошёл в своё подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорёшенько пойдёт вверх дном?

Булыжник и Алмаз

Потерянный Алмаз валялся на пути;
Случилось наконец купцу его найти.
Он от купца
Царю представлен,
Им куплен, в золоте оправлен
И украшением стал царского венца.
Узнав про то, Булыжник развозился,
Блестящею судьбой Алмаза он прельстился
И, видя мужика, его он просит так:
«Пожалуйста, земляк,
Возьми меня в столицу ты с собою!
За что здесь под дождём и в слякоти я ною?
А наш Алмаз в чести, как говорят.
Не понимаю я, за что он в знать попался?
Со мною сколько лет здесь рядом он валялся;
Такой же камень он, и мне набитый брат.
Возьми ж меня. Как знать? Коль там я покажуся,
То также, может быть, на дело пригожуся».
Взял камень мужичок на свой тяжёлый воз,
И в город он его привёз.
Ввалился камень мой и думает, что разом
Засядет рядом он с Алмазом;
Но вышел для него случай совсем иной:
Он точно в дело взят, но взят для мостовой.

Плотичка

Хоть я и не пророк,
Но, видя мотылька, что он вокруг свечи вьётся,
Пророчество почти всегда мне удаётся:
Что крылышки сожжёт мой мотылёк.
Вот, милый друг, тебе сравнение и урок:
Он и для взрослого хорош и для ребёнка.
Ужли вся басня тут? – ты спросишь; погоди,
Нет, это только побасёнка,
А басня будет впереди,
И к ней я наперёд скажу нравоученье.
Вот вижу новое в глазах твоих сомнение:
Сначала краткости, теперь уж ты
Боишься длинноты.
Что ж делать, милый друг: возьми терпенье!
Я сам того ж боюсь.
Но как же быть? Теперь я старе становлюсь:
Погода к осени дождливей,
А люди к старости болтливей.
Но чтобы дела мне не выпустить из глаз,
То выслушай: слышал я много раз,
Что лёгкие проступки ставя в малость,
В них извинить себя хотят
И говорят:
За что винить тут? это шалость;
Но эта шалость нам к паденью первый шаг:
Она становится привычкой, после – страстью
И, увлекая нас в порок с гигантской властью,
Нам не даёт опомниться никак.
Чтобы тебе живей представить,

Как на себя надеянность вредна,
Позволь мне басенкой себя ты позабавить;
Теперь из-под пера сама идёт она
И может с пользою тебя наставить.

* * *

Не помню у какой реки,
Злодеи царства водяного,
Приют имели рыбаки.
В воде, поблизости у берега крутого,
Плотичка резвая жила.
Проворна и притом лукава,
Не боязливого была Плотичка нрава:
Вкруг удочек она вертелась, как юла,
И часто с ней рыбак свой промысл клял с досады.
Когда за пожданье он, в чаянье награды,
Закинет уду, глаз не сводит с поплавка;
Вот, думает, взяла! в нём сердце встрепенётся;
Взмахнёт он удой: глядь, крючок без червяка;
Плутовка, кажется, над рыбаком смеётся,
Сорвёт приманку, увернётся
И, хоть ты что, обманет рыбака.
«Послушай, – говорит другая ей Плотица, –
Не сдобровать тебе, сестрица!
Иль мало места здесь в воде,
Что ты всегда вкруг удочек вертишься?
Боюсь я: скоро ты с рекой у нас простишься.
Чем ближе к удочкам, тем ближе и к беде.
Сегодня удалось, а завтра – кто порука?»
Но глупым, что глухим разумные слова.
«Вот, – говорит моя Плотва, –

Ведь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страх пустой ты брось:
Я вижу хитрость их насквозь.
Вот видишь уду! Вон закинута другая!
Ах вот ещё, ещё! Смотри же, дорогая,
Как хитрецов я проведу!» –
И к удочкам стрелой пустилась:
Рванула с той, с другой, на третьей зацепилась,
И, ах, попала в беду!
Тут поздно, бедная, узнала,
Что лучше бы бежать опасности сначала.

Мот и Ласточка

Какой-то молодец,
В наследство получа богатое имение,
Пустился в мотовство и при большом раденье
Спустил всё чисто; наконец,
С одною шубой он остался,
И то лишь для того, что было то зимой –
Так он морозов побоялся.

Но, Ласточку увидя, малый мой
И шубу промотал. Ведь это все, чай, знают,
Что ласточки к нам прилетают
Перед весной,
Так в шубе, думал он, нет нужды никакой:
К чему в ней кутаться, когда во всей природе
К весенней клонится приятной все погоде
И в северную глушь морозы загнаны!

Догадки малого умны;
Да только он забыл пословицу в народе:
Что ласточка одна не делает весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снегу хрупкому скрипят обозы,
Из труб столбами дым, в оконницах стекло
Узорами заволокло.
От стужи малого прошибли слёзы,
И Ласточку свою, предтечу тёплых дней,
Он видит на снегу замёрзшую. Тут к ней,
Дрожа, насилу мог он вымолвить сквозь зубы:
«Проклятая! сгубила ты себя;
А понадеясь на тебя,
И я теперь не вовремя без шубы!»

-

Крестьянин и Змея

Когда почтён быть хочешь у людей, –
С разбором заводи знакомства и друзей!

Мужик с Змеёю подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужiku она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте, – Мужик пеняет, –
За что вы всё покинули меня!

Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?»
«Нет, – кум Матвей сказал ему в ответ, –
К тебе бы рады мы, сосед.
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, не опечалил:
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил».

-

Свинья под Дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась жёлудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею».
«Неблагодарная! – примолвил Дуб ей тут, –
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,

Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда так же в ослепление
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

-

Паук и Пчела

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привёз полотна;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко идёт с рук,
Завистливый Паук
На барыши купца прельстился;
Задумал на продажу ткать,
Купца затеял подорвать
И лавочку открыть в окошке сам решил.
Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар на диво,
Засел, надувшись, спесиво,

От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупателей к себе он переманит.
Вот день настал: но что ж? Проказника метлой
Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот, – говорит, – жди праведной награды!
На весь я свет пошлюсь, чьё тонее тканьё:
Купцово иль моё?»
«Твоё: кто в этом спорить смеет? –
Пчела отвечает. – Известно то давно;
Да что в нём проку, коль оно
Не одевает и не греет?»

-

Лисица и Осёл

«Отколе, умная, бредёшь ты, голова?» –
Лисица, встретясь с Ослом, его спросила.
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,
Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне в старости и дряхл и хил.
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,

И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шёл, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
«Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?» –

Лиса Осла перерывает.
«Вот-на! – Осёл ей отвечает. –
А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты,
От первых жди от них обиды и досады.

-

Муха и Пчела

В саду, весной, при лёгком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоём я в сутки захирела.
Вот, например, моё
Так, право, райское житьё!
За мною только лишь и дела:

Лететь по балам, по гостям;
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины, —
Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталём блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
Притом же, жалую пол нежной,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щёчке розовой иль шейке белоснежной».
«Всё это знаю я, — отвечает Пчела. —
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом».
«Вот, — Муха говорит, — гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

-

Змея и Овца

Змея лежала под колодой
И злилась на целый свет;
У ней другого чувства нет,

Как злиться: создана уж так она природой.
Ягнёнок в близости резвился и скакал;
Он о Змее совсем не помышлял.
Вот, выползши, она в него вонзает жало:
В глазах у бедняка туманно небо стало;
Вся кровь от яду в нём горит.
«Что сделал я тебе?» – Змее он говорит.
«Кто знает? Может быть, ты с тем сюда забрался.
Чтоб раздавить меня, – шипит ему Змея. –
Из осторожности тебя караю я». –
«Ах, нет!» – он отвечал и с жизнью тут расстался.
В ком сердце так сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствует оно
И ненависть одну ко всем питает,
Тот всякого своим злодеем почитает.

-

Котёл и Горшок

Горшок с Котлом большую дружбу свёл;
Хотя и познатней порокою Котёл,
Но в дружбе что за счёт? Котёл горой за свата:
Горшок с Котлом запанибрата;
Друг бёз друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.
Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,

И друга он с собой зовёт;
Горшок наш от Котла никак не отстаёт
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустились друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.
Где горки, рытвины, ухабы –
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой наклад;
Однако ж он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с Котлом чугунным так сдружился.
Как странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился,
Что цел домой Котёл с дороги воротился,
А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе вещь святая.

-

Дикие Козы

Пастух нашёл зимой в пещере Диких Коз;
Он в радости богов благодарит сквозь слёз;
«Прекрасно, – говорит, – ни клада мне не надо.
Теперь моё прибудет вдвое стадо;
И не доем и не досплю,
А милых Козочек к себе я прикормлю
И паном заживу у нас во всём полесье.

Ведь пастуху стада, что барину поместье:
Он с них оброк волной берёт;
И масла и сыры скопляет.
Подчас он тож и шкурки с них дерёт;
Лишь только корм он сам им промышляет,
А корму на зиму у пастуха запас!»
Вот от своих овец к гостям он корм таскает;
Голубит их, ласкает;
К ним за день ходит по сту раз;
Их всячески старается привадить.
Убавил корму у своих,
Теперь покамест не до них,
И со своими ж легче сладить:
Сенца им бросить по клочку,
А станут приступать, так дать им по толчку,
Чтоб менее в глаза совались.
Да только вот беда: когда пришла весна,
То Козы Дикие все в горы разбежались,
Не по утёсам жизнь казалась им грустна;
Своё же стадо захирело
И всё почти переколело:
И мой пастух пошёл с сумой,
Хотя зимой
На барыши в уме рассчитывал прекрасно.

Пастух! тебе теперь я молвлю речь:
Чем в Диких Коз терять свой корм напрасно,
Не лучше ли бы Коз домашних поберечь?

Соловьи

Какой-то птицелов

Весною наловил по рощам Соловьёв.

Певцы рассажены по клеткам и запели,

Хоть лучше б по лесам гулять они хотели:

Когда сидишь в тюрьме до песен ли уж тут?

Но делать нечего: поют,

Кто с горя, кто от скуки.

Из них один бедняжка Соловей

Терпел всех боле муки:

Он разлучён с подружкой был своей.

Ему тошнее всех в неволе.

Сквозь слёз из клетки он посматривает в поле;

Тоскует день и ночь;

Однако ж думает: «Злу грустью не помочь:

Безумный плачет лишь от бедства,

А умный ищет средства,

Как делом горю пособить;

И, кажется, беду могу я с шеи сбыть:

Ведь нас не с тем поймали, чтобы скушать.

Хозяин, вижу я, охотник песни слушать.

Так если голосом ему я угожу,

Быть может, тем себе награду заслужу,

И он мою неволю окончает».

Так рассуждал – и начал мой певец:

И песнью он зарю вечерню величает,

И песнями восход он солнечный встречает.

Но что же вышло, наконец?

Он только отягчил свою тем злую долю.

Кто худо пел, для тех давно

Хозяин отворил и клетки и окно
И распустил их всех на волю;
А мой бедняжка Соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

-

Голик

Запачканный Голик попал в большую честь –
Уж он полов не будет в кухнях мечь:
Ему поручены господские кафтаны
(Как видно, слуги были пьяны).
Вот развозился мой Голик:
По платью барскому без устали колотит
И на кафтанах он как будто рожь молотит,
И подлинно, что труд его велик.
Беда лишь в том, что сам он грязен, неопрятен.
Что ж пользы от его труда?
Чем больше чистит он, тем только больше пятен.
Бывает столько же вреда.
Когда
Невежда не в свои дела вплетётся
И поправлять труды учёного возмётся.

-

Крестьянин и Овца

Крестьянин по́звал в суд Овцу;
Он уголовное взвёл на бедняжку дело;
Судья-Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чём улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур недосчитались:
От них лишь косточки да пёрышки остались;
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того, она совсем не ест мясного.
И приговор Лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу.
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

Скупой

Какой-то домовой стерёг богатый клад,
Зарытый под землёй; как вдруг ему наряд
От демонского воеводы –
Лететь за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть рад, или не рад,
Исполнить должен повеленье.
Мой домовой в большом недоуменье,
Как без себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовые:
Расходы надобно большие;
Оставить так его, – так может клад пропасть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могут и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочет, думает – и вздумал наконец.
Хозяин у него был скряга и скупец.
Дух, взяв сокровище, является к Скупому
И говорит: «Хозяин дорогой!
Мне в дальние страны показан путь из дому;
А я всегда доволен был тобой:
Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ешь, и веселись,
И трать их без боязни!
Когда же придёт смерть твоя,

То твой один наследник я:
Вот всё моё условие;
А впрочем, да продлит судьба твоё здоровье!»
Сказал – и в путь. Прошёл десяток лет, другой.
Исправя службу, домовый
Летит домой
В отечески пределы.
Что ж видит? О восторг! Скупой с ключом в руке
От голода издох на сундуке –
И все червонцы целы.
Тут Дух опять свой клад
Себе присвоил
И был сердечно рад,
Что сторож для него ни денежки не стоил.

Когда у золота скупой не ест, не пьёт, –
Не домовому ль он червонцы бережёт?

-

Богач и Поэт

С великим Богачом Поэт затеял суд,
И Зевса умолял он за себя вступиться.
Обоим велено на суд явиться.
Пришли: один и тощ и худ,
Едва одет, едва обут;
Другой весь в золоте и спесью весь раздут.
«Умилосердися, Олимпа самодержец!
Тучегонитель, громовержец! –

Кричит Поэт. — Чем я виновен пред тобой,
Что с юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и всё моё именье
В одном воображенье;
Меж тем, когда соперник мой,
Без выслуг, без ума, равно с твоим кумиром,
В палатах окружён поклонников толпой,
От роскоши и неги заплыл жиром». —
«А это разве ничего,
Что в поздний век твоей достигнут лиры звуки? —
Юпитер отвечал. — А про него
Не только правнуки, не будут помнить внуки.
Не сам ли славу ты в удел себе избрал?
Ему ж в пожизненность я блага мира дал.
Но верь, коль вещи бы он боле понимал,
И если бы с его умом была возможность
Почувствовать свою перед тобой ничтожность, —
Он более б тебя на жребий свой роптал».

Волк и Мышонок

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так её он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
Оставил к ужину запас и подле лёг
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.

Вот близкого его соседа,
Мышонка, запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
Схватил кусок мясца – и с ним скорей убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили моё именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча-судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: караул!

-

Два мужика

«Здорово, кум Фаддей!» – «Здорово, кум Егор!»
«Ну, каково, приятель, поживаешь?»
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжёг дотла свой двор
И по миру пошёл с тех пор».
«Как так? Плохая, кум, игрушка!»
«Да так! О рождестве была у нас пирушка;
Я со свечой пошёл дать корму лошадям;
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;

А двор и всё добро сгорело.
Ну, ты как?» – «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я тож о рождестве пошёл в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан, бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не человека,
И вот я с той поры калека».
«Пеняйте на себя, друзья! –
Сказал им сват Степан. – Коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожг свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечою худо;
Да вряд, не хуже ль и впотьмах».

-

Котёнок и Скворец

В каком-то доме был Скворец,
Плохой певец;
Зато уж философ презнатный,
И свёл с Котёнком дружбу он.
Котёнок был уж котик преизрядный,
Но тих, и вежлив, и смирён.

Вот как-то был в столе Котёнок обделён.
Бедняжку голод мучит:
Задумчив бродит он, скучаячи постом;
Поводит ласково хвостом
И жалобно мяучит.
А философ Котёнка учит
И говорит ему: «Мой друг, ты очень прост,
Что терпишь добровольно пост;
А в клетке над носом твоим висит щеглёнок:
Я вижу, ты прямой Котёнок». —
«Но совесть...» — «Как ты мало знаешь свет!
Поверь, что это сущий бред
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов — пустые только шутки!
На свете кто силён,
Тот делать всё волен.
Вот доказательства тебе и вот примеры».
Тут, выведя их на свои манеры,
Он философию всю вычерпал до дна.
Котёнку натошак понравилась она:
Он вытащил и съел щеглёнка.
Разлакомил кусок такой Котёнка,
Хотя им голода он утолить не мог.
Однако же второй урок
С большим успехом слушал
И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
Наставил ты меня на ум».
И, клетку разломав, учителя он скушал.

Две собаки

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиления, чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живёшь,
С тех пор как господу тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?» –
«На счастье грех роптать, – Жужутка отвечает, –
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живёшь?» – «Я, – отвечал Барбос,
Хвост плетью спущаю и свой повеса нос, –
Живу, по-прежнему: терплю и холод
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождём;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.

Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот прекрасно! –
С насмешкой отвечал Жужу. –
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

-

Кошка и Соловей

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки – без ума.
Хотела б очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать,
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам,
И отпущу гулять по рощам и лесам.

В любви я к музыке тебе не уступаю.
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же? – продолжает Кошка, –
Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал! –
С насмешкою она спросила. –
Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье ты вовсе не искусен:
Всё без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца –
До крошки.

Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

-

Рыбья пляска

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.

Он идёт, а Мужик, расклавши огонёк,
Наудя рыб, изжарить их собирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» – спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! – сказал Мужик, оторопев, –
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». –
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
«Великий, государь! Здесь не житьё им – рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, – Лев спросил, – скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» –
«О мудрый царь! – Мужик отвечивал, – оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Ещё изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

-

Прихожанин

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений и писатель,

Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,
Не только, чтоб от них похвал себе дожидаться,
В нём красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни был бы на это им скажу.

Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник)
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мёд, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства.
Как цепью золотой,
Возьмая к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье;
Но всяк ему ещё внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слёз.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар! –
Из слушателей тут сказал один другому, –
Какая сладость, жар!
Как сильно он влечёт к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, чёрствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» – «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода».

Ворона

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рождён.
Простолюдин со знатью не роднися:
И если карлой сотворён,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост,
Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво –
И думает, что на неё
Родня и прежние приятели её
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра
И что пришла её пора
Быть украшением Юнонина двора.
Какой же вышел плод её высокомерья?
Что Павами она ощипана кругом,
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назад к своим; но те совсем
Заклёванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились её затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.

Я эту басенку вам былью поясню.

Матрёне, дочери купецкой, мысль припала,

Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрёну за барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попрёком, что она мещанкой родилась.
А старая за то, что к знатым приплелась:
И сделалась моя Матрёна
Ни Пава, ни Ворона.

-

Пёстрые овцы

Лев пёстрых невзлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно –
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пёструю овцу терпенья нет!
Как сбить их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет –
И им за тайну открывает,
Что видя пёструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает
Я что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! – сказал, насупяся, Медведь, –
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов

Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь –
И не прольёшь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
Я где бы поскакать, побегать для ягнят;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдаётся,
Что род их сам собой переведётся.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни случилось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пёстрых там овец –
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки?
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

-

Лев состаревшийся

Могучий Лев, гроза лесов,
Постигнут старостью, лишился силы:
Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,

Чем наводил он ужас на врагов,
И самого едва таскают ноги хилы.
А что всего больней,
Не только он теперь не страшен для зверей,
Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
Наперерыв ему наносит оскорбленье:
То гордый конь его копытом крепким бьёт,
То зубом волк рванёт,
То острым рогом вол боднёт.
Лев бедный в горе толь великом,
Сжав сердце, терпит всё и ждёт кончины злой.
Лишь изъавляя ропот свой
Глухим и томным рыком.
Как видит, что осёл туда ж, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотрит место лишь, где б было побольнее.
«О боги! – возопил, стеная, Лев тогда, –
Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла:
Всё легче, чем терпеть обиды от осла».

-

Лев, Серна и Лиса

По дебрям гнался Лев за Серной;
Уже её он настигал
И взором алчным пожирал
Обед себе в ней сытный, верный.

Спасть, казалось, ей нельзя никак:
Дорогу обоим пересекал овраг;
Но Серна лёгкая все силы натянула –
Подобно из лука стреле,
Над пропастью она махнула –
И стала супротив на каменной скале.
Мой Лев остановился.
На эту пору друг его вблизи случился:
Друг этот был – Лиса.
«Как! – говорит она, – с твоим проворством, силой
Ужели ты уступишь Серне хилой!
Лишь пожелай, тебе возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, верно, перескочишь.
Поверь же совести и дружбе ты моей:
Не стала бы твоих отваживать я дней,
Когда б не знала
И крепости и лёгкости твоей».
Тут кровь во Льве вскипела, заиграла;
Он бросился со всех четырёх ног;
Однако ж пропасти перескочить не мог:
Стремглав слетел и – до смерти убился.
А что ж его сердечный друг?
Он потихохоньку в овраг спустился
И, видя, что уж Льву ни лести, ни услуг
Не надо боле,
Он, на просторе и на воле,
Справлять поминки другу стал,
И в месяц до костей он друга оглодал.

Крестьянин и Лошадь

Крестьянин засеивал овёс;
То видя, Лошадь молодая
Так про себя ворчала, рассуждая:
«За делом столько он овса сюда принёс!
Вот, говорят, что люди нас умнее.
Что может быть безумней и смешнее,
Как поле целое изрыть,
Чтоб после рассорить
На нём овёс свой попустому?
Стравил бы он его иль мне, или гнедому;
Хоть курам бы его он вздумал разбросать,
Всё было б более похоже то на стать;
Хоть спрятал бы его: я видела б в том скупость;
А попусту бросать! Нет, это просто глупость».
Вот к осени меж; тем овёс тот убран был,
И наш Крестьянин им того ж Коня кормил.
Читатель! Верно, нет сомненья,
Что не одобришь ты конева рассужденья;
Но с самой древности, в наш даже век,
Не так ли дерзко человек
О воле судит Провиденья,
В безумной слепоте своей,
Не ведая его ни цели, ни путей?

Белка

У Льва служила Белка.
Не знаю, как и чем; но дело только в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан – между тем всё время улетает;
А Белочка моя нередко голодает
И скалит перед Львом зубки свои сквозь слёз.
Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
Её подружки в вышине:
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки знай себе щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит – нельзя никак:
На службу Льву её то кличут, то толкают.
Вот Белка, наконец, уж стала и стара
И Льву наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор: орех к ореху – чудо!
Одно лишь только худо –
Давно зубов у Белки нет.

-

Щука

На Щуку подан в суд донос,
Что от неё житья в пруде не стало;

Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи, невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые, да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шёл,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то, сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! – Лиса тут приступила. –
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно –
Так утопить её в реке». – «Прекрасно!» –
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили – в реку!

-

Кукушка и Орёл

Орёл пожаловал Кукушку в Соловьи.
Кукушка, в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыке свои
Выказывать пустилась;
Глядит – все прочь летят,
Одни смеются ей, а те её бранят.
Моя Кукушка огорчилась,
И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
«Помилуй! – говорит, – по твоему веленью
Я Соловьём в лесу здесь названа;
А моему смеяться смеют пенью!»
«Мой друг! – Орёл в ответ, – я царь, но я не бог.
Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
Кукушку Соловьём честить я мог заставить;
Но сделать Соловьём Кукушки я не мог».

-

Бритвы

С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
И что же узнаю? – Приятель мой в тревоге:
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю – приятель стал не тот.
То вскрикнет он, то охнет, то вздохнёт.
«Что сделалось с тобой, мой милый?.. Я надеюсь,
Не болен ты». – «Ох! ничего: я бреюсь».

«Как! только?» Тут я встал – гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу.
Как будто бы с него содрать собирались кожу.
Узнавши, наконец, вину беды такой,
«Что дива? – я сказал, – ты сам себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не Бритвы – косари;
Не бриться – мучиться ты только с ними станешь».
«Ох, братец, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь».
«А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей – боятся
И терпят при себе охотней дураков?

Сокол и Червяк

В вершине дерева, за ветку уцепясь,
Червяк на ней качался.
Над Червяком Сокол, по воздуху носясь,
Так с высоты шутил и издевался:

«Каких ты, бедненький, трудов не перенёс!
Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?
Какая у тебя и воля и свобода?
И с веткой гнёшься ты, куда велит погода». —
«Тебе шутить легко, —
Червяк отвечает, — летая высоко,
Затем, что крыльями и силен ты, и крепок;
Но мне судьба дала достоинства не те:
Я здесь, на высоте,
Тем только и держусь, что я, по счастью, цепок!»

-

Бедный Богач

Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрём, ведь всё оставим.
Мы только лишь себя и мучим и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далёко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим,
А богачей скупых на муку жизнь похожа. —
Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лёжа;
Как вдруг к нему сквозь щёлочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес,

Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее.
Предстал – и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал, для чего; служить я другу рад.
Вот кошелёк тебе: червонец в нём, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,
Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж – и из него без счёту вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».
Сказал – и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелёк принялся.

И что ж? – Чуть верится ему, что то не сой:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье продлится! –
Бедняк мой говорит. –
Червонцев я себе повытаскаю груду;
Так завтра же богат я буду –
И заживу, как сибарит».
Однако ж поутру он думает другое.
«То правда, – говорит, – теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком ещё провести хоть день!
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;

Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так, удержу чудесный кошелёк:
Уж так и быть, ещё я поговёю
Один денёк,
А, впрочем, ведь пожить всегда успею».
Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год –
Бедняк мой потерял давно в червонцах счёт;
Меж тем он скудно ест и скудно пьёт;
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
День кончится, и, по его расчёту,
Ему всегда чего-нибудь недостаёт.
Лишь кошелёк нести сберется,
То сердце у него сожмётся;
Придёт к реке, – воротится опять.
«Как можно, – говорит, – от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою са́мо льётся?»
И, наконец, Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает:
Он стал и слаб и хил; здоровье и покой –
Утратил всё; но всё дрожащею рукой
Из кошелька червонцы вон таскает.
Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион.

Булат

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи не велики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, зäпросто, лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтёсывать тычины к огороду.
Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом.
И дети ездят уж на нём
Верхом.
Вот ёж, в избе под лавкой лёжа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат
Так много громкого неложно говорят,
Не стыдно ли тебе щепать лучину
Или обтёсывать тычину,
И, наконец, игрушкой быть ребят?»
«В руках бы воина врагам я был ужасен, —
Булат отвечает, — а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому:
Но разве я свободен?
Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,

Кто не умел понять, к чему я годен».

-

Купец

«Поди-ка, брат Андрей!

Куда ты там запал? Поди сюда, скорей,

Да подивуйся дяде!

Торгуй по-моему, так будешь не в накладе, —

Так в лавке говорил племяннику Купец. —

Ты знаешь польского сукна конец,

Который у меня так долго залежался,

Затем, что он и стар, и подмочен, и гнил:

Ведь это я сукно за английское сбыл!

Вот, видишь, сей лишь час взял за него сотняжку:

Бог олушка послал». —

«Всё это, дядя, так, — племянник отвечал, —

Да в олухи-то, я не знаю, кто попал:

Вглядись-ко: ты ведь взял фальшивую бумажку».

Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;

Но если кто на свет

Повыше лавок взглянет, —

Увидит, что и там на ту же стать идёт;

Почти у всех во всём один расчёт:

Кого кто лучше проведёт

И кто кого хитрей обманет.

Пушки и Паруса

На корабле у Пушек с Парусами
Восстала страшная вражда.
Вот, Пушки, выставясь из бортов вон носами,
Роптали так пред небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться в пользах нам имело дерзновенье?
Что делают они во весь наш трудный путь?
Лишь только ветер станет дуть,
Они, надув спесиво грудь,
Как будто важного какого сану,
Несутся гоголем по Океану
И только чванятся; а мы – громим в боях!
Не нами ль царствует корабль наш на морях!
Не мы ль несём с собой повсюду смерть и страх?
Нет, не хотим жить боле с Парусами;
Со всеми мы без них управимся и сами;
Лети же, помоги, могущий нам Борей,
И изорви в клочки их поскорей!»
Борей послушался – летит,дохнул, и вскоре
Насупилось и почернело море;
Покрылись тучею тяжёлой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, как горы;
Гром оглушает слух; слепит блеск молний взоры;
Борей ревёт и рвёт в лоскутья Паруса.
Не стало их, утихла непогода;
Но что ж? Корабль без Парусов

Игрушкой стал и ветров и валов,
И носится он в море, как колода;
А в первой встрече со врагом,
Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
Корабль мой недвижим: стал скоро решетом,
И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.

Держава всякая сильна,
Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием – врагам она грозна,
А паруса – гражданские в ней власти.

Осёл

Был у Крестьянина Осёл.
И так себя, казалось, смирно вёл,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог –
На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осёл: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слышал),
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, боком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперёд:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему всё счастливо сходило:
Зайдёт ли в рожь, в овёс иль в огород, –

Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным всё толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну, так что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.
И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так ещё приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок и далёк.

-

Мирон

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, таких людей не худо имя помнить.
На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.
Кому не хочется нажать хорошей славы?

Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придёт к воротам –
Они не заперты никак.
«Ахти! – подумают, – бедняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться, –
Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошёл едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых
И трудно до него добиться:
А то он рад последним поделиться».

Видать случалось часто мне,
Как доступ не лёгок в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты –
Мироны ж сами в стороне.

-

Крестьянин и Лисица

Лиса Крестьянину однажды говорила:
«Скажи, кум милый мой,
Чем лошадь от тебя так дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда с тобой?
В довольстве держишь ты её и в холе;

В дорогу ль – с нею ты, и часто с нею в поле;
А ведь из всех зверей
Едва ль она не всех глупей». –
«Эх, кумушка, не в разуме тут сила! –
Крестьянин отвечал. – Всё это суета.
Цель у меня совсем не та:
Мне нужно, чтоб она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута».

Собака и Лошадь

У одного крестьянина служба,
Собака с Лошадью считаться как-то стали.
«Вот, – говорит Барбос, – большая госпожа!
По мне хоть бы тебя совсем с двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Об удалстве твоём другого не слышать:
И можно ли тебе равняться в чём со мною?
Ни днём, ни ночью я не ведаю покою:
Днём стадо под моим надзором на лугу,
А ночью дом я стерегу».
«Конечно, – Лошадь отвечала, –
Твоя правдива речь;
Однако же, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и стеречь».

Филин и Осёл

Слепой Осёл в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь было пустился).
Но к ночи в чащу так забрёл мой сумасброд,
Что двинуться не мог ни взад он, ни вперёд.
И зрячему бы тут не выйти из хлопот,
Но Филин вблизи, по счастью, случился
И взялся быть Ослу проводником.
Все знают, Филины как ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
Всё это различал мой Филин будто днём
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
Ну, как с проводником таким расстаться?
Вот просит Филина Осёл, чтоб с ним остаться,
И вздумал изойти он с Филином весь свет.
Мой Филин господином
Уселся на хребте Ослином,
И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.
Однако ж Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям.
«Остерегись! – кричит, – направо будем в луже».
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
«Ещё левей возьми, ещё левее шаг!»
И – бух Осёл, и с Филином, в овраг.

-

Змея

Змея Юпитера просила,
Чтоб голос дать ей соловья.
«А то уж, – говорит, – мне жизнь моя постыла,
Куда ни покажуся я,
То все меня дичатся,
Кто послабей;
А кто меня сильней,
Дай бог от тех живой убраться.
Нет, жизни этакой я боле не снесу;
А если б соловьём запела я в лесу,
То, возбуждая удивленье,
Снискала бы любовь и, может быть, почтенье.
И стала бы душой весёлых я бесед».
Исполнил Юпитер Змеи прошение;
Шипенья гнусного пропал у ней и след.
На дерево вползя, Змея на нём засела,
Прекрасным соловьём Змея моя запела,
И стая было птиц отсюда к ней подсела;
Но, воззрясь в певца, все с дерева дождём.
Кому понравится такой приём?
«Ужли вам голос мой противен?» –
В досаде говорит Змея.
«Нет, – отвечал скворец, – он звучен, дивен,
Поёшь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, в нас сердце задрожало,
Когда увидели твоё мы жало.
Нам страшно вместе быть с тобой.

Итак, скажу тебе, не для досады:
Твоих мы песен слушать рады –
Да только ты от нас подале пой».

-

Волк и Кот

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана,
Мужик предобрый он», – Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана»,
«Ну, попытайся ж у Демьяна». –
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». –
«Беги ж, вон там живёт Трофим». –
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозит за ягнёнка!»

«Ну, плохо ж! – Но авось тебя укроет Клим!»
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!»
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –
Сказал тут Васька Волку. –
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни».

-

Лещи

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде,
Лещи водились.
Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось, им катились.
Как вдруг
К ним барин напустить велел с полсотни щук.
«Помилуй! – говорит его, то слыша, друг, –
Помилуй, что ты затеваешь?
Какого ждать от щук добра:
Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
Иль жадности ты щук не знаешь?»
«Не трать своих речей, –
Боярин отвечал с улыбкою, – всё знаю;
Да только ведать я желаю,
С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

-

Водопад и Ручей

Кипящий Водопад, свергался со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва лишь был приметен,
Но силой славился лечебною своей):
«Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мне приходит кто дивиться;
К тебе зачем идут?» – «Лечиться», –
Смиренно прожурчал Ручей.

Лев

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жёсткая ему постеля надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела,
И вот сзывает он к себе своих бояр,
Медведей и волков пушистых и косматых,
И говорит: «Друзья! для старика,
Постель моя уж чересчур жестка:
Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособрать,

Чтоб не на голых камнях спать».

«Светлейший Лев! – ответственуют вельможи, –

Кто станет для тебя жалеть своей

Не только шерсти – кожи,

И мало ли у нас мохнатых здесь зверёк:

Олени, серны, козы, лани,

Они почти не платят дани;

Набрать с них шерсти поскорей:

От этого их не убудет;

Напротив, им же легче будет».

И тотчас выполнен совет премудрый сей.

Лев не нахвалится усердием друзей;

Но в чём же то они усердие явили?

Тем, что бедняжек захватили

И дочиста обрили,

А сами вдвое хоть богаче шерстью были –

Не поступились своим ни волоском;

Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,

Из той же дани поживился –

И на зиму себе запаса тюфяком.

-

Три Мужика

Три Мужика зашли в деревню ночевать.

Здесь, в Питере, они извозом промышляли;

Поработали, погуляли

И путь теперь домой на родину держали.

А так как Мужичок не любит тощий спать,

То ужинать себе спросили гости наши.
В деревне что за разносол:
Поставили пустых им чашку щей на стол,
Да хлеба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы в Питере, – да не о том уж речь;
Всё лучше, чем голодным лечь.
Вот Мужички перекрестились
И к чаше приютились.
Как тут один, посмётливей из них,
Увидя, что всего немного для троих,
Смекнул, как делом тем поправить
(Где силой взять нельзя, там надо полукавить).
«Ребята, – говорит, – вы знаете Фому,
Ведь в нынешний набор забреют лоб ему». –
«Какой набор?» – «Да так. Есть слух – война с Китаем.
Наш Батюшка велел взять дань с Китайцев чаем».
Тут двое принялись судить и рассуждать
(Они же грамоте, к несчастью, знали:
Газеты и, подчас, реляции читали),
Как быть войне, кому повелевать.
Пустились мои ребята в разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А наш того, лукавец, и хотел:
Пока они судили, да рядили,
Да войска разводили,
Он ни гугу – и щи, и кашу, всё приел.

* * *

Иному, до чего нет дела,
О том толкует он охотнее всего,
Что будет с Индией, когда и от чего,

Так ясно для него;
А поглядишь – у самого
Деревня между глаз сгорела.

Пастух

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерёт.
«И не диковина, – твердит народ, –
Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поварёнок, за грехи,
В деревню он был сослан в пастухи:
Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
За волком поиски; клянёт его весь свет;
Обшарили весь лес, – а волка следу нет.
Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то – Савва.

Белка

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хорóм,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с берёзы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, – спросил тут Дрозд, – нельзя ли,
Сказать, чтó делаешь ты здесь?» –
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевести». –
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да, – улетаю, Дрозд сказал, – то ясно мне,
Что ты бежишь, а всё на том же ты окне».
Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвётся,
Да только всё вперёд не подаётся,
Как Белка в колесе.

Мыши

«Сестрица! знаешь ли, беда! –

На корабле Мышь Мыши говорила, –
Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть не хватила
До самого мне рыла.
(А правда, так она лишь лапки замочила.)
И что́ диковинки – наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все – один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
Сейчас кричала я во весь народ,
Что ко дну наш корабль идёт:
Куда! – Никто и ухом не ведёт,
Как будто б ложные я распускала вести;
А ясно – только в трюм лишь стоит заглянуть,
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! неужли нам гибнуть с ними вместе!
Пойдём же, кинемся скорее с корабля;
Авось не далеко земля!»
Тут в Океан мои затейницы спрыгнули
И – утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел и невредим.

Теперь пойдут вопросы:
А что же капитан и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
В минуту унята;
А остальное – клевета.

Лиса

Зимой, ранёхонько, близ жи́ла,
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но – кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примёрз.
Беда невелика, легко б её поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать – ведь спит ещё народ;
А между тем авось и оттепель придёт,
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждёт-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит – и день светает,
Народ шевéлится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. «Друг милый! кум! отец! –
Кричит Лиса. – Спаси! Пришёл совсем конец!»
Вот кум остановился –
И в спáсение Лисы вступился.
Приём его был очень прост:
Он náчисто отгрыз ей хвост.
Тут без хвоста домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

Мне кажется, что смысл не тѣмен басни сей:
Щепотки волосков Лиса не пожалей –
Остался б хвост у ней.

Волки и Овцы

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спáсение Овец, –
И учреждѣн Совет на сей конец.
Большая часть в нём, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ, –
Примеры эти не забыты, –
Которые ходили близко стад
Смирнѣхонько – когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить!
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он Овцу станет,
То Волка тут властна Овца,

Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор, –
Хоть говорят, Волкам и не спускают, –
Что будь Овца ответчик иль истец,
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

Крестьянин и Собака

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточного дома,
Собака нанялась и двор стеречь,
И хлебы печь,
И, сверх того, полоть и поливать рассаду.
Какой же выдумал он вздор, –
Читатель говорит, – тут нет ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы стеречи уж двор;
Да видано ль, чтоб где собаки хлеб пекали
Или рассаду поливали?
Читатель! Я бы был не прав кругом,
Когда сказал бы: «да», – да дело здесь не в том,
А в том, что наш Барбос за всё за это взялся,
И вымолвил себе он плату за троих;
Барбосу хорошо: что нужды до других.

Хозяин между тем на ярмарку собрался,
Поехал, погулял – приехал и назад,
Посмотрит – жизни стал не рад,
И рвёт, и мечет он с досады:
Ни хлеба дома, ни рассады.
А сверх того, к нему на двор
Залез и клеть его обкрал начисто вор.
Вот на Барбоса тут посыпалось руганье;
Но у него на всё готово оправданье:
Он за рассадою печь хлеб никак не мог;
Рассадник оттого лишь только не удался,
Что, сторожá вокруг двора, он стал без ног;
А вора он затем не устерёг,
Что хлебы печь тогда сбирался.

Два мальчика

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдём-ка да нарвём в саду себе каштанов!»
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Хоть, кажется, они и недалёко,
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не влезть,
И нам каштанов тех не есть!»
«И, милой, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я всё придумал: погоди!

На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся –
И досыта каштанов наедемся».
Вот к дереву друзья со всех несутся ног,
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь потом обливался
И Феде, наконец, вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в закроме,верху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть, –
Не перечсть!
Найдётся чем и поживиться,
И с другом поделиться.
Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша самверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.

Видал Федюш на свете я,
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них – скорлупки не видали!

Разбойник и Извозчик

В кустарнике залегши у дороги,
Разбойник под вечер добычи нажидал,
И, как медведь голодный из берлоги,

Угрюмо даль он озирал.
Посмотрит, грузный воз катит, как вал.
«О, го! – Разбойник мой тут шепчет, – знать, с товаром
На ярмарку; чай всё сукно, камки, парчи.
Кручина, не зевай – тут будет на харчи:
Не пропадёт сегодня день мой даром».
Меж тем подъехал воз; кричит Разбойник: «Стой!» –
И на Извозчика бросается с дубиной.
Да лих; схватился он не с олухом-детиней:
Извозчик – малый удалой;
Злодея встретил мостовиной,
Стал за добро своё горой,
И моему герою
Пришлось брать поживу с бою –
И долгод и жесток был бой на этот раз.
Разбойник с дюжины зубов не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбит глаз;
Но победителем, однако ж, он остался:
Убил Извозчика злодей.
Убил – и к добыче скорей.
Что ж он завоевал? – Воз целый пузырей!

Как много из пустого
На свете делают преступного и злого.

Лев и Мышь

У Льва просила Мышь смиренно позволения

Поблизости его в дупле завести селенье
И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,
Ты и могуч и славен;
Хоть в силе Льву никто не равен
И рёв один его на всех наводит страх,
Но будущее кто угадывать возьмётся –
Как знать? кому в ком нужда доведётся?
И как я ни мала кажусь,
А, может быть, подчас тебе и пригожусь». –
«Ты! – вскрикнул Лев. – Ты, жалкое создание!
За эти дерзкие слова
Ты стоишь смерти в наказание.
Прочь, прочь отсель, пока жива –
Иль твоего не будет праху».
Тут Мышка бедная, не вспомнясь от страху,
Со всех пустилась ног – простыл её и след.
Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта:
Отправясь искать добычи на обед,
Попался он в тенёта.
Без пользы сила в нём, напрасен рёв и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но всё добычею охотника остался,
И в клетке напоказ народу увезён.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от её зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.

Читатель, истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя –
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится

Воды напиться.

Кукушка и Петух

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко, важно!» –

«А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всём лесу у нас такой певицы нет!»

«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова».

«А ты, красавица, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтоб начала ты снова –

Отколь такой берётся голосок?

И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни, что твой соловей!»

«Спасибо, кум; зато, по совести моей,

Поёшь ты лучше райской птички,

На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!

Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, –

Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку.

Вельможа

Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее, – умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
«Что ж делал ты?» – «Пил, ел и спал
Да всё подписывал, что он ни подавал».
«Скорей же в рай его!» – «Как! где же справедливость?» –
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость
«Эх, братец! – отвечал Эак, –
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью, –
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слёз не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью.
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

Басни, не вошедшие в девять книг

Стыдливый игрок

Случилось некогда мне быть в шумливом мире;
Сказать ясней, мне быть случилось в трактире;
Хотя немного там увидеть льзя добра,
Однако ж тут велась изрядная игра.
Из всех других поудалее
Один был рослый молодец,
Беспутства был он образец,
И карты ставил он и гнул смелее;
И вдруг
Спустил все деньги с рук.
Спустил, а на кредит никто ему не верит,
Хоть, кажется, в божбе Герой не лицемерит.
Озлился мой болван
И карту с транспортом поставил на кафтан.
Гляжу чрез час: Герой остался мой в камзоле,
Как пень на чистом поле;
Тогда к нему пришёл
От батюшки посол
И говорит: «Отец совсем твой умирает,
С тобой проститься он желает
И приказал к себе просить».
«Скажи ему, — сказал мой фалё, —

Что здесь бубновая сразила меня краля;
Так он ко мне сам может быть.
Ему сюда прийти нimalo не обидно;
А мне по улице идти без сапогов,
Без платья, шляпы и чулков
Ужасно стыдно».

Судьба игроков

Вчераcь приятеля в карете видел я;
Бедняк – приятель мой, я очень удивился,
Чем cтолько он разжился?
А он поведал мне всю правду, не тая,
Что картами себе именье он доставил
И выше всех наук игру картежну ставил.
Сегодня же пешком попался мне мой друг.
«Конечно, – я сказал, – спуcтил уж всё ты c рук?»
А он, как философ, гласил в своём ответе:
«Ты знаешь, колесом вертится всё на свете».

Павлин и Соловей

Невежда в физике, а в музыке знаток,
Услышал соловья, поющего на ветке,

И хочется ему иметь такого в клетке.
Приехав в городок,
Он говорит: «Хотя я птицы той не знаю
И не видал,
Которой пением я мысли восхищал,
Которую иметь я столь желаю,
Но в птичьем здесь ряду,
Конечно, много птиц найду».
Наполнясь мыслию такою,
Чтоб выбрать птиц на взгляд,
Пришёл боярин мой во птичий ряд
С набитым кошельком, с пустою головою.
Павлина видит он и видит соловья,
И говорит купцу: «Не ошибаюсь я,
Вот мной желанная прелестная певица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо петь;
Купец, мой друг! скажи, что стоит эта птица?»
Купец ему в ответ:
«От птицы сей, сударь, хороших песней нет;
Возьмите соловья, сидяща близ павлина,
Когда вам надобно хорошего певца».
Немало то дивит невежду господина,
И, быть бояся он обманут от купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числит
И мыслит:
«Та птица перьями и телом так мала.
Не можно, чтоб она певицею была».
Купив павлина, он покупкой веселится
И мыслит пением павлина насладиться.
Летит домой
И гостье сей отвёл решётчатый покой;
А гостийка ему за выборы в награду

Пропела кошкою разов десяток сряду.
Мяуканьем своим невежде давши знать,
Что глупо голоса по перьям выбирать.

Подобно, как и сей боярин, заключая,
Различность разумов пристрастно различая,
Не редко жалуем того мы в дураки,
Кто платьем не богат, не пышен волосами;
Кто не обнизан вкруг перстнями и часами
И злата у кого не полны сундуки.

Лев и Человек

Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое.
Кто веры этому неймёт,
Тот ясный здесь пример найдёт,
Что сила без ума сокровище плохое.
Раскинувши тенёта меж дерев,
Ловец добычи дожидался:
Но как-то, оплошав, сам в лапы Льву попался.
«Умри, презренна тварь! – взревел свирепый Лев,
Разинув на него свой зев. –
Посмотрим, где твои права, где сила, твёрдость,
По коим ты в тщеславии своём
Всей твари, даже Льва, быть хвалишься царём?
И у меня в когтях мы разберём,
Сразмерна ль с крепостью твоей такая гордость!»
«Не сила – разум нам над вами верх дает, –
Был Человека Льву ответ. –
И я хвалиться смею,

Что я с умением то препятство одолею,
От коего и с силой, может быть,
Ты должен будешь отступить».

«О вашем хвастовстве устал я сказки слушать».

«Не в сказках доказать, я делом то могу;
А впрочем, ежели солгу,
То ты ещё меня и после можешь скушать.

Вот посмотри: между деревьев сих
Трудов моих
Раскинуту ты видишь паутину.

Кто лучше сквозь неё из нас пройдёт?
Коль хочешь, я пролезу наперёд:
А там посмотрим, как и с силой в свой черёд
Проскочишь ты ко мне на половину.

Ты видишь, эта сеть не каменна стена;
Малейшим ветерком колеблется она:
Однако с силою одною
Ты прямо сквозь неё едва ль пройдёшь за мною».

С презрением тенёта обозрев,
«Ступай туда, – сказал надменно Лев, –
Вмиг буду я к тебе дорогою прямою».

Тут мой ловец, не тратя лишних слов,
Нырнул под сеть и Льва принять готов.

Как из лука стрела, Лев вслед за ним пустился;
Но Лев подныривать под сети не учился:
Он в сеть ударился, но сети не прошиб –
Запутался (ловец тут кончил спор и дело), –
Искусство силу одолело,
И бедный Лев погиб.

Пир

В голодный год, чтобы утешить мир,
Затеял Лев богатый пир.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовут гостей:
Зверей
И малой и большой породы.
На зов со всех сторон стекаются ко Льву.
Как отказать такому зову?
Пир дело доброе и не в голодные годы.
Вот приплелись туда ж Сурок, Лиса и Крот,
Да только часом опоздали
И за столом гостей застали.
У кумушки Лисы хлопот
На ту беду случился полон рот;
Сурок проходил, промылся,
А Крот с дороги сбился.
Однако ж натошак никто домой нейдёт,
И, место подле Льва увидевши пустое,
Все на него хотят продраться трое.
«Послушайте, друзья! – сказал им Барс, –
То место широко, да только не про вас,
Тут придет Слон и вас сойти заставит,
Иль хуже: вас он передавит.
И так,
Когда не хочется домой вам натошак,
Так оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете – и это слава богу. –
Места не ваши впереди:

Их берегут зверям лишь крупного покроя;
А кто из мелочи не хочет кушать стоя,
Тот дома у себя сиди».

-

Незавершённые басни

Подсвечник и Огарок

Не знаю я, в каком суде,
При ком, когда и где –
Но столько дел судьи скопили,
Что наконец решились окончить те дела.
Судьи, засевши вокруг стола,
Гораздо ночи захватили,
Однако наконец разъехались они,
Остались на столе подсвечники одни.
И что Подсвечник тут один развеличался
И так огарку говорит,
Который в нём ещё горит:
«Ну что ты здесь, вонючка, растрещался?
Смотри, как ты навоевал, –
Вить потолку весь лак ты ободрал.
Уплелся б ты, да догорал в передней». –
«Не знаю я, как ты сюда попал,
Однако я в суде здесь не последний, –
Огарок отвечал. –
Ведь судьям нужен ты всего для украшения,
Но пользы от того в делах, как ото пня.

я свечу, и без меня –
Сегодня не было ни одного решенья».

Два извозчика

«Ну, други, осовели!
Ну, одреи, живей, чтоб волки вас заели!» –
Так, идя у возов, бранил и погонял
Извозчик лошадей. Обоз, однако ж, стал.
Глядит – Пахом его тут с возом обогнал:
«Давно ль с Москвы?» – «Вчерась». – «А я так близ недели.
Что, брат Пахомушка, ума не приложу:
С десяток одреев держу –
Совсем меня пострелы съели;
А на воза, кажись, грузу
Не так чтобы помногу.
Ну, истинно, совсем погиб!
Как идет у тебя?» – «Да ладно, слава богу!
Сотняжку нынешним путём себе зашиб!
Поклажа у меня пудов с полсотни тянет,
Да пара у меня дюжа – десятка стоит и не станет.
Зато уж их кормлю и берегу». –
«Вот как тут не возьмёт кручина?
Скажи ж, соседушка, со мной что за причина?
Ведь я, брат, тоже не дремлю,
А их лишь попусту кормлю!» –
«И, кум, какой тебе ждать от коней поживы?
Их у тебя табун – да с голоду чуть живы!
Попробуй-ка, с меня пример возьми:
Держи их менее – да лучше их корми!»

Шуточные басни

Паук и Гром

Перед окном
Был дом,
Ударил гром,
И со стены Паук
Вдруг стук,
Упал, лежит,
Разинул рот, оскалил зубы
И шёпотом сквозь губы
Вот что кричит:
«Когда б ослом
Я создан был Зевесом,
Ходил бы лесом,
Меня бы гром,
Тряся окном
И дом,
С стены не мог стряхнуть».

* * *

Нас чаще с высоты стараются сопхнуть.

Осёл и Заяц

Осёл не птица,
Он не горазд летать,
Однако ж для него не в первый раз хвастать,
Мычать
И род зверей всех уверять,
Что молодец и он летать,
Что он под облака взовьётся, как синица
Или царица
Орлица.
А Заяц тут: «Ну, ну-тка, полети!»
«Ах, ты косой трусиха! –
Осёл рычит. – Летаю, как орлиха.
Но не хочу!» – «Пожалуй, захоти!»
Так мудро Заяц отвечает,
Осёл бежит, скакает,
И в яму – хлоп!
Не суйся в ризы, коль не поп!

Комар и Волк

Комар
Жил у татар
Иль у казар.
Вдруг Волк
К ним в двери толк,
Давай кричать
И Комара кусать.
Комар испугался,
На печку забрался.

Тут Волк ему:

«С печи тебя стяну!»

А тот: «Нет, не достанешь,

Устанешь,

Отстанешь!»

А Волк

Вдруг скак

К нему тут на полати,

Да вот его и проглотил,

Да сам таков и был.

И мне пришло сказать тут кстати,

Что сильный слабого недавно погубил.